

Ханс Улав Хамран

КУБИК РУБИКА

И

ПЯТЫЙ

БИТЛ

Ханс Улав Хамран

Кубик Рубика и пятый битл

«Альбус Корвус»

2018

Хамран Х.

Кубик Рубика и пятый битл / Х. Хамран — «Альбус Корвус»,
2018

ISBN 978-5-00114-138-9

8 декабря 1980 года. В Нью-Йорке убит Джон Леннон. Для пятнадцатилетнего Андерса это трагедия, ведь он единственный в своей школе фанат «Битлз». Сверстники пытаются травить Андерса, но есть у него и друзья – Фруде и Бригт. А учитель математики по прозвищу Сосиска – тоже фанат битлов. Это книга о дружбе и музыке, о первой влюбленности и безумных поступках, о потере и горе. В общем, о том, каково это – быть подростком.

ISBN 978-5-00114-138-9

© Хамран Х., 2018
© Альбус Корвус, 2018

Содержание

«Дакота»	6
Часть первая	9
Прощай, старшая школа	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ханс Улав Хамран

Кубик Рубика и пятый битл

Маме и папе

Cover © Frode Skaren / byHands

The original title: Rubiks kube og den femte Beatle

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag 2018 [All rights reserved.]

© Анастасия Наумова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2020

«Дакота»

– Джон Леннон умер, – огородил меня старший брат, когда я утром вошел на кухню, – какой-то чувак его застрелил.

Диктор говорил об убийстве, а внутри у меня словно что-то порвалось. Мама, облокотившись на столешницу, пустым взглядом смотрела в окно. Папа чуть потерянно топтался возле нее, а Харальд, мой брат, в одиночестве сидел за столом.

Нью-йоркский корреспондент описывал гигантскую толпу, собравшуюся на месте преступления, но потом вдруг перескочил на другую тему и затараторил о том, как стремительно растет в Норвегии черный рынок. Будто смерть Джона Леннона ничего не значит. Во мне всколыхнулась ярость.

Папа выключил радио и опасливо положил руку маме на плечо.

– Они все равно вряд ли воссоединились бы.

Мама вывернулась и направилась к двери, туда, где стоял я. Она прошла мимо, и к горлу у меня подступила тошнота. Через секунду дверь в спальню хлопнула. Повисло жутковатое молчание.

Махнув рукой на завтрак, папа молча вышел из кухни. То, как закрылась входная дверь, я скорее не услышал, а почувствовал.

– Вот хрень, – тихо пробормотал Харальд.

Ни мне, ни ему кусок в горло не лез, поэтому мы сунули в рюкзаки бутерброды, оделись и вышли из дома.

Отец ковырялся в саду под натянутым между яблонями брезентовым навесом. Там горела лампа, и в ее свете голые ветки на фоне неба напоминали когти. Мы заглянули под навес.

– Получил задний мост, – сказал отец и показал на предмет, больше похожий на канализационную трубу, а не на мост, – мне тот немец прислал, помните, я рассказывал. Это не вот прямо на сто процентов оригинал, но свое дело делает.

В куче металлолома на самом деле пряталась «Лорелей-1918», модель U12. Военный немецкий ретро-автомобиль. Или, точнее, металлолому им предстояло стать. Если верить папе, единственный в своем роде. И вся эта затея была особенно непростой, потому что фотографий автомобиля не существовало и отец не знал, как машина вообще выглядела. Судя по оттиску на двигателе, автомобиль собрали спустя всего неделю после окончания Первой мировой. Папа думал, что ее планировали как военную машину, но, так как война кончилась, ее переделали в обычную легковую машину. Шагнули из войны в мир. От грузовиков к легковушкам. Кроме уже известного моста, ржавой рамы, двигателя и нескольких мелких деталей, в этом агрегате не имелось ничего, что в моем представлении полагается иметь автомобилю. На моей памяти он вечно стоял под навесом. Оставив папу наедине с задним мостом, мы вывели из гаража велосипеды.

Велосипедные динамо тихо жужжали, а фары довольно безуспешно пытались осветить темный асфальт.

– Думаешь, она надолго слегла? – спросил я.

– Да на несколько дней, не меньше, – ответил Харальд, словно ему было все равно и он ничуть не тревожился.

От его спокойствия я разволновался еще сильнее.

– Она наивная до ужаса, – добавил он, – напридумывала, что битлы воссоединятся, устроят по этому случаю концерт и мы все на него поедим. «Битлз» больше не существуют. Они развалились в конце шестидесятых из-за ЛСД и Йоко Оно, да и перессорились вдобавок. И даже если бы они воссоединились, какой нам концерт, мы ж никуда не ездим.

Харальд часто бывал прав, но сейчас я с ним не согласился. Мы это всего две недели назад обсуждали. Мама с папой тогда ходили на прогулку, а когда вернулись, мама поставила «Битлз», подпевала и вообще вся светилась. «В тот день, когда “Битлз” снова выйдут на сцену, мы тоже будем там, – сказал папа и обнял маму, – вся семья. Мы туда доберемся, откуда бы ни пришлось».

Мама прижалась к нему, и они поцеловались. «Это будет чудесно», – сказала потом мама и потрепала меня по голове, после чего потянулась к Харальду, но тот увернулся.

Когда я вошел в класс, одна из девочек напевала All you need is love, но, увидев меня, замолчала. Никто мне ничего не говорил, но я ловил на себе их взгляды.

Я сел за парту и вытащил письменные принадлежности. Вроде как приготовился к сочинению.

На пороге возник Кеннет. Придирчиво оглядев меня, он подошел и уселся прямо мне на парту. Кеннет был самым мерзким ушлепком во всей нашей школе. Мой рост составлял метр шестьдесят, и Кеннет был ненамного меня выше, но среди девчонок пользовался популярностью. Почему – непонятно. Может, из-за подстриженных в «рыбий хвост» волос. Мне захотелось сквозь землю провалиться.

– Бедняга, – с деланным сочувствием сказал он, и я сжался, – гляди, это Джон Леннон. – Кеннет сложил пальцы в подобие пистолета и прицелился в учительский стол, – Бум! – Рука его дернулась, словно от отдачи.

– Свали отсюда, – сказал я, понимая, что за нами наблюдает весь класс, – не смешно.

– Не смешно? – Он заржал. – А чего ты ждал-то? Ты фанатеешь по группе, которая развалилась еще до Второй мировой. А жизнь-то на месте не стоит. Ты про KISS, например, слышал?

Недавно KISS приезжали с концертом в Драммен, и Кеннет туда ходил. Публике там, говорят, вообще крышу снесло: зрители аж стулья ломали.

– Ага, слышал. Вообще думаю, может, ту фотку из «ВГ» на стену повесить? – поддел я его, чувствуя, как тело гудит от адреналина. – Это мать предложила. Она говорит, без грима они такие милашки.

Журналист из «ВГ» сфоткал музыкантов KISS без грима, так что теперь все знали, как те на самом деле выглядят. Фанаты от злости прямо сбесились.

Кеннет спрыгнул с парты, схватил меня за грудки и сдернул со стула.

За секунду мою дерзость сменил страх.

– Кеннет! – в дверях показался Сосиска. – Сядь на свое место.

Я был спасен.

Сосиска объявил темы сочинения, но мысли в голове у меня плясали.

Первая тема звучала так: «Каким образом новые виды совместного проживания повлияют на наше общество в будущем?»

Сосиска приложил копию статьи, в которой некий сексолог утверждал, будто уже сейчас, в восьмидесятых, люди начнут назначать своим отношениям «испытательный срок». Женщины и мужчины будут жить друг с дружкой, не вступая в брак. Возможно, мы даже и детей рожать будем вне брака. В правоте этого эксперта я очень сомневался. Может, в Осло все именно так и живут, но тут, на Ролвсёе, мужчины живут вместе с женщинами, только если они женаты. Тем не менее эту тему я и выбрал, но сосредоточиться не получалось. Перед глазами стоял висевший у меня в комнате плакат с битлами – увеличенная обложка к альбому Let it be. Снимок был сделан в 1969 году, перед тем как «Битлз» распались. У каждого музыканта – отдельная фотография, будто они уже существовали каждый по отдельности. Джон Леннон в маленьких круглых очках, длинные пряди падают на лицо. Наверное, дул ветер, потому что волосы немного растрепаны. Стильненько. Сам я не стригся уже с мая и теперь твердо решил отращивать волосы.

Наверное, фанатеть по битлам – идиотизм. В школе Хаугеосен я один такой и был. Но сейчас с этим уже ничего не поделаешь. Прикинься я вдруг фанатом KISS – все станет еще хуже. Тогда все ко мне вообще потеряли бы доверие. Выбрал группу – так будь любезен, фанатей за них. С футболом то же самое. Не прекратишь же ты болеть за «Манчестер» и не уйдешь в фанаты «Ливерпуля» лишь оттого, что твоя команда временно терпит неудачу.

Спустя час я по-прежнему не смог написать ничего, кроме темы. Как я ни пытался, ничего не выходило. Я посмотрел на Сосиску. Тот с отсутствующим видом глядел в окно, прямо как я. Поскрипывание ручек вокруг мешало сосредоточиться. Собравшись с силами, я тоже взял ручку и размашисто написал поперек листа: «Imagine». Мне сразу полегчало. И подписался: Андерс Ундердал. Пару минут я поразглядывал написанное, а потом собрал вещи, сдал Сосиске работу и вышел из класса.

Когда я вышел, во дворе было пусто. Обычно я дожидался Фруде, однако сегодня сел на велосипед и поехал домой. Было еще светло, но вскоре подползут сумерки и на землю опустится темнота. Я мерз, и мне было по-настоящему одиноко.

Часть первая

Прощай, старшая школа

Учителя выстроились вдоль стены. Они пытались держаться непринужденно, но получалось у них не очень – они же учителя. Директор стоял на сцене за кафедрой. Он нарядился в светлый костюм и голубой клетчатый галстук, но за три года, что мы проучились в старших классах, седины у него явно прибавилось. Мы беспокойно ерзали на поставленных ради такого случая стульях, парни в рубашках и пиджаках, девчонки – в коротких юбках и летних платьях.

Я надел вельветовый пиджак Харальда, потому что вся моя одежда внезапно уменьшилась в размере: брюки будто сами собой укоротились, а рубашки стали тесными. Как будто сели после стирки. Даже «битловская» куртка – и с той пришлось попрощаться, и сейчас она пряталась в самой глубине шкафа у меня в комнате.

– От имени руководства школы и всех учителей мне хотелось бы поприветствовать наших выпускников и их родителей здесь, на выпускном вечере в старшей школе Хаугеосен. – Директор оглядел собравшихся.

Свободных мест в зале оставалось немало, но Юлия села возле меня. Вообще от излишней стеснительности она не страдала, но почему-то она сперва спросила, свободно ли место рядом со мной. Обычно она сидела вместе с двумя другими девочками из Хауге. Юлия была милая, однако в то же время какая-то немного отстраненная, что ли. По крайней мере, со мной. Сейчас она, в бледно-розовом пиджаке и короткой белой хлопчатобумажной юбке, сидела и болтала ногами, а я радовался, что она так близко. Я влюбился в Юлию в первый же год в старшей школе, и, судя по всему, меня еще долго не отпустит.

Заметил я ее только во втором семестре, и, когда я говорю «заметил», это вовсе не означает, что она держалась в стороне. Как раз наоборот. Мы полгода учились в одном классе, скучали на уроках, а на переменах топтались перед школой. Но я ее не видел. Сейчас у меня это в голове не укладывается. Понять это настолько сложно, что я задаюсь вопросом: а если бы мама мне так и не вышила «битловскую» куртку, может, я так и не заметил бы Юлию?

* * *

Куртка была маминой идеей. Я, конечно, чуял, что без последствий не обойдется, но ничего не сказал. Харальд бросил пару замечаний, но я сделал вид, будто не слышу. Зато на маму смотреть было приятно, когда она, горя от воодушевления, показывала мне, как продвигается работа. Она почти закончила вышивать, когда застрелили Джона Леннона, а спустя всего пару дней после убийства мама уже собралась с силами и опять взялась за вышивку. В первый день, когда мне предстояло выйти на улицу в этой куртке, я стоял в прихожей, а мама порхала вокруг меня. Она радовалась, и я от этого тоже радовался. Я повернулся и посмотрел в большое зеркало себе на спину. Буквы были разноцветными, слегка в стиле хиппи. Как в «Сержанте Пеппере»¹.

THE BEATLES
JOHN
PAUL
GEORG

¹ Восьмой альбом The Beatles называется «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера». (Здесь и далее прим. перев.)

RINGO

Я нарывался на неприятности. В старшей школе Хаугеосен никто не разгуливает с именами битлов на спине. Не в 1980 году. У Кеннета имелась куртка с Kiss, такая, с шипами. Как полагается. Ну, еще AC/DC прокатили бы. Хуже битлов была только ABBA, но уж таких смельчаков вообще не нашлось.

Я гляделся в зеркало, и мне было не по себе, но я твердо решил не отступать. Не моя вина, что я родился на двадцать лет позже, и я вознамерился бороться.

Накануне несколько дней шел снег, поэтому на улице стало посветлее. Чтобы приспособить велосипед для зимних дорог, мы обматывали шины велосипедными цепями и накачивали их до предела. Эту штуку Харальд изобрел, и кататься при помощи этого изобретения можно было даже по толстому льду. «Битловскую» куртку мама сшила из тонкой джинсы, но вниз я поддел вязаный свитер. Сойдет. Как обычно, мы с Харальдом дождались на перекрестке Фруде.

– Зацени! – Я снял рюкзак и повернулся вышитой спиной к Фруде.

Мы с Фруде дружим с незапамятных времен. У меня есть фотка, где мы с ним сидим перед тортом, из которого торчит одна-единственная свечка. Мы торжественно восседаем на двух крошечных стульчиках, а между нами – стол с этим гигантским тортом. Мой это день рождения или его – не знаю. Снимок черно-белый, но я уверен, что волосы у Фруде уже тогда были морковно-рыжими. По крайней мере, кудряшки те же, что и сейчас. Когда мы пошли в старшую школу, Фруде осточертело с ними бороться, и поэтому он просто коротко стригся. Получалось такое короткое рыжее «афро». Стильненько. Маме нравилось, что мы с Фруде дружим. Ведь он, как ни крути, гений, и не исключено, что это и на меня перекинется.

– Они т-т-тебя в к-кусты к-кинут, – чтобы выдать наконец последнее слово, Фруде яростно потер ухо.

Мы делали вид, будто его заикания не замечаем. Он же, в свою очередь, вел себя так, словно ему все равно, но я почти уверен, что он бы все отдал, чтоб не заикаться.

– Это вряд ли, – сказал я, чувствуя, как крепнет неуверенность, когда представил колючие кусты между футбольным полем и школьным двором. Про их колючки мне Харальд рассказывал: попав в кровь, они могут дойти до самого сердца. И если это произойдет, тебе конец. Харальд тогда еще щелкнул пальцами – нагляднее показать, как остановится сердце. Финито.

Мы вошли в класс, остальные расселись за парты, а я стоял, не в силах заставить себя снять со спины рюкзак. Сердце так колотилось, что наверняка всем вокруг было слышно, и где-то внутри заклокотала вдруг злость на маму. Надо было отказаться. Это же безумие.

– Ты почему не садишься, Андерс? – спросил Сосиска.

Он уже стоял у доски с мелом наготове. У меня не оставалось выбора. Я поглубже вдохнул, задержал дыхание и, повернувшись спиной к классу, сбросил рюкзак. Повисла гробовая тишина. Сердце стукнуло еще четыре раза.

– Ты чего, совсем головой поехал?

Кеннет. Ну естественно, Кеннет. Я старался побыстрее придумать ответ, но все паялились на меня, а соображать в такой обстановке – все равно что пытаться думать, сунув голову в ведро с теплой мыльной водой. И если срочно не вдохнуть, то я задохнусь.

Из воды меня вытащила Юлия. Она и еще две девочки из Хауге пришли к нам в класс осенью, но вели себя тихо и незаметно. До этого момента я, кажется, даже и голоса-то ее не слышал. Сказала она это тихо, но с неожиданной силой и уверенностью, не услышать которую было невозможно:

– А по-моему, куртка клевая.

Все уставились на заднюю парту в углу, туда, где сидела Юлия. От нее подобного никто не ожидал. Ее лицо медленно залило краской, но глаза Юлия не опустила.

– Клевая? – голос у Кеннета внезапно уполз на пару октав вверх. Со мнением девчонок вынужден был считаться даже Кеннет.

– Ну да, «Битлз» клевые. А теперь Джона Леннона вообще застрелили. – Лицо Юлии снова побледнело, и она бесстрашно посмотрела на Кеннета. Тут ее темные волосы упали прямо на ясные карие глаза, Юлия подняла левую руку и заправила прядь за ухо. А в следующую секунду Юлия взглянула прямо на меня.

Где-то в голове что-то щелкнуло. Меня непреодолимо потянуло к Юлии, и все вокруг вдруг наполнилось смыслом. Противостояние. Сила. Упрямство. Время замерло. Кеннет прекратил существовать. Класс поплыл перед глазами, а движения замедлились. Остались лишь мы с Юлией, которая все не сводила с меня глаз. Мы так еще долго стояли, пока тишину не нарушил Сосиска:

– Если сударь соблаговолит сесть на свое место, я смогу наконец начать урок.

Юлия отвела взгляд, ноги у меня подкосились, и я шмякнулся на пол. Класс грохнул от хохота, а я вскарабкался на стул.

Остаток урока превратился в кашу. Я слушал Сосиску, но слов не понимал. Что-то во мне сдвинулось. Будто кто-то перетасовал мои чувства.

* * *

– Мы отпускаем вас в жизнь, и это немного странно, – проговорил со сцены директор. Я снова находился в спортивном зале. – А ведь совсем недавно вы только начали здесь учиться, и мы приветствовали вас здесь, в этом же зале.

Время и правда довольно быстро куда-то девалось, но, честно говоря, три года в старшей школе – это ровно на три года дольше, чем хотелось бы.

Позади кто-то громко расхохотался, и я машинально обернулся. Ну, естественно. Звездная команда. Вообще-то это мы их так прозвали, потому что они играли в хоккей в клубе «Звезда» и разгуливали в красно-белых толстовках. Даже сегодня в них сюда явились. Они были из Лислебю и жили в совершенно другом мире.

Первое время они меня не трогали, но в день моего появления в «битловской» куртке моему покою пришел конец. Далеко не все может сходить тебе с рук.

Ко всему прочему лидером «звездных» был Кеннет. Папа говорил, что девяносто процентов всех злодеев в мире – это старшеклассники и что в старшие классы не стоит отправлять тех, кому меньше восемнадцати. И тут он прав.

* * *

В тот день, когда я заметил Юлию, мы с Фруде вышли на переменке из класса. В вестибюле топтался народ.

– Эй, Битлз! Спой-ка нам Yesterday!

Кеннет. Они со «звездными» стояли в дверях и отходить явно не собирались.

Дело принимало серьезный оборот. Кеннету достаточно было рукой махнуть – и его приятели в толстовках бросились бы на нас.

Народ в вестибюле замер, и даже наши самые популярные выглянули из-под лестницы, где обычно собирались.

– Да класть на него, – прошептал Фруде и подтолкнул меня к выходу.

В этот миг я увидел Юлию. Она стояла чуть поодаль, на лестнице, и смотрела прямо на меня. В животе у меня потяжелело, словно туда налили горячего масла.

У меня вдруг не оказалось выбора. И я запел:

– Yesterday... – Я пел, уговаривая голосовые связки и ломающийся голос не предавать меня, – all my troubles seemed so far away...

Звучало не очень, но я не отступал, допел до конца, а потом еще немного помурлыкал себе под нос, прямо как Пол Маккартни в оригинальной версии.

Сперва в вестибюле было тихо – так тихо, как бывает разве что в летние каникулы, но потом все оживились, а несколько девочек даже захлопали. Собравшиеся вокруг Кеннета беспокойно переминались с ноги на ногу, я поднял глаза и посмотрел на Юлию. На лице ее сияла чудесная улыбка.

Все закончилось, мы двинулись дальше. Кровь бурлила от адреналина.

Мы уже дошли до двери, когда Кеннет окликнул меня:

– Э, Андерс, погоди-ка!

Я остановился, и взгляды всех вокруг вновь устремились на меня.

– У тебя там в Джордже буквы не хватает. Там в конце «е» должна быть.

А ведь он прав, понял я. Вот идиотизм-то. Как же я сам этого не понял? Уму непостижимо. Ведь Харрисона зовут не Георг, а Джордж. И он не норвежец. Такие вещи матерям полагается знать.

– Куртка еще не совсем дошита, – бросил я, зная, что мне никто не верит, и едва не захлебываясь от стыда за свое невежество.

Когда, вернувшись из школы, я зашел на кухню, мама просияла.

– Привет, Андерс. Я твое любимое блюдо приготовила, – по всему дому пахло котлетами.

– Отлично.

– Как всем твоя новая куртка?

– Они сказали: круто. Можно сказать, получилось удачно.

– Вот и чудесно!

Она погладила меня по щеке, но от ее прикосновения я почему-то разозлился. Пришлось мне поднапрячься, чтобы мама не заметила. Ей-то легко расхаживать по дому и слушать песенки битлов – ведь ничего доказывать всяким уродам ей не надо.

В ту ночь я порадовался, что нас, мальчиков, на уроках труда обучили управляться иглой с нитками. Не возьмусь утверждать, что вышивка получилась как у мамы, но, когда я наконец потушил свет, Георг превратился в Джорджа.

* * *

– Гордитесь своими достижениями! Лично мне кажется, что все вы готовы сделать следующий шаг, – продолжал директор.

Когда мы вышли из дома, на термометре уже было больше двадцати градусов, окна в спортивном зале не открывались, поэтому вскоре там сделалось невыносимо. Даже учителя себе места не находили. Я взглянул на них. Каприно, Чёрвен, Грейпфрут и Чувачок. Почти у каждого имелась кличка, и каждый знал о ней, но в их присутствии мы никогда этими кличками не пользовались. Однако это в каком-то смысле уравнивало нас: они нам оценку, мы им кличку.

Я посмотрел на Сосиску. Он потел в самом углу в пиджаке. По словам Харальда, к Сосиске эта кличка приклеилась после того, как он принес на урок сосиску в термосе. А класс как раз писал сочинение. Только и всего. Положил в термос сосиску – и кличка готова. Отныне ты Сосиска, а уж если тебя разок так называли, то теперь только так звать и будут. В последний год он на несколько недель исчезал, но потом возвращался как ни в чем не бывало.

О нем много чего говорили, но я в эти разговоры не лез. Сосиска обладал кое-чем невероятно ценным для меня: он лично видел «Битлз».

* * *

Когда Сосиска рассказал мне об этом, я дежурил.

Все остальные вышли на большую перемену, но я, будучи дежурным, остался и наводил в классе порядок. Сосиска что-то читал у себя за столом. Я выбрасывал раскиданную по классу бумагу из-под бутербродов, как вдруг заметил, что Сосиска за мной наблюдает. Мне сделалось не по себе. Я взял губку и, не удосужившись даже намочить ее, вытер доску. Я уже почти закончил с уборкой, когда Сосиска спросил:

– А почему ты вдруг стал фанатом «Битлз»?

Учителя тоже видят мою «битловскую» куртку – это я понимал, вот только не думал, что кто-то решится перепрыгнуть разделяющую нас пропасть и заговорит об этом. По крайней мере, от Сосиски я этого точно не ждал. Я посмотрел на него. Он откинулся на спинку стула и сложил руки за головой. Волосы зачесаны назад и блестят – похоже, от геля, а рукава пиджака такие белые от мела, словно он вытирал ими доску. До пенсии ему еще оставалось немало лет, однако лицо уже избороздили морщины. Тридцать сигарет в день – это вам не шутки. Кисловатый запах курева доползал даже до меня. Именно поэтому мы хорошенько думали, прежде чем поднять руку и попросить Сосиску о помощи.

– Ну, лучше их песен нету.

– Да, до меня дошли слухи, что ты тут перед Рождеством пытался кое-что исполнить у нас в вестибюле. – Он зашел чересчур далеко, и я разозлился. – Значит, в один прекрасный день ты проснулся и понял, что фанатеешь от битлов?

Да чего ж он не уймется-то?

– То есть фанатеешь от группы, которая распалась, когда тебе было – сколько? Три года?

– Это самая крутая группа в мире, – упрямо повторил я, – мне непонятно, почему другие от них не фанатеют.

Он обдумал мой ответ.

– Но будь ты фанатом KISS, тебе б и жилось легче.

– Ага, но это означало бы, что у меня отвратный вкус.

Он кивнул, явно довольный услышанным.

Доска по-прежнему была грязной, но я схватил рюкзак и шагнул к двери. Я был уже у порога, когда Сосиска снова заговорил:

– А я как-то пил с битлами пиво.

Я замер, ухватившись за ручку двери. Сосиска довольно улыбался.

– Врете.

– А вот и нет. Не вру.

Он мог с таким же успехом сказать, что летал вместе с экипажем «Аполлона» на Луну. Мне б даже в бреду не пришло в голову связать Сосиску с битлами.

– Расскажите!

– Это долгая история.

– Если вы хоть одним глазом видели битлов вживую, я согласен тут до утра просидеть.

Я уселся на парту, свесив ноги. Эту историю я просто обязан узнать. И не важно, правдивая она или нет.

– С тех пор немало лет прошло.

– И что?

– Дело было в шестидесятых, я работал учителем в школе Хешлеб в Осло. В те времена я, можно сказать, отличался слегка неформальными вкусами.

Сосиска рассмеялся – правда, я так и не понял почему, – а после выложил длинный рассказ о том, как в 1963-м он поехал учиться в Советский Союз. С «Битлз» эта поездка была никаким боком не связана. Он рассказал, как его номер в гостинице обыскивали и как он постепенно утратил все иллюзии. Я его не прерывал. Если я хочу услышать про встречу с битлами, то надо потерпеть.

– Поэтому в самолет из Москвы до Женева мы сели с великим облегчением, – сказал Сосиска. Эта часть рассказа явно закончилась.

– Значит, это вы «Битлз» не в Москве видели? – нетерпеливо встрял я.

– Нет, и, если уж на то пошло, не в Женеве. Но там мы сели на поезд и доехали до Монтрё, где как раз был концерт.

– И на нем выступали битлы?

– Нет, – он снисходительно улыбнулся, – кто играл, я уж и позабыл. Но после концерта мы попали на сейшен. Вообще-то это было закрытое мероприятие, но парень из службы помощи туристам решил расстараться перед иностранцами и достал для нас билеты.

– И «Битлз» там играли?

Он пропустил вопрос мимо ушей.

– Поздно ночью мы заметили нашего знакомого из службы помощи туристам. Он сидел за столиком возле сцены и махал нам. Мы присели к нему, он угостил нас пивом и представил всем остальным за этим же столиком. Вот так мы и познакомились, – он на миг умолк, – с «Битлз».

– Нет. Так не бывает.

– Это были они – Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон и Ринго Стар. С такими длинными волосами, что я было принял их за парики.

– И другие их не узнали? Да там публика небось с ума посходила?

– Они тогда еще не стали знаменитыми. В Англии к тому моменту они успели выпустить пару пластинок, но в Европе о них мало кто слышал. Уж тем более в Монтрё. В этом-то и проблема: они подписали договор об участии в телешоу, а продюсеры заявили, что группа недостаточно известная, и завернули их.

– Вот это продюсеры облажались, ничего не скажешь!

– Можно и так сказать. «Битлз» приехали в тот же день, что и мы, и им сразу же сообщили, что из афиши их название убрали. – Сосиска расхохотался так, что даже закашлялся.

Я подождал, когда он успокоится, и спросил:

– И какие они были?

– Подробности я позабыл. Дело-то было давно. И вели они себя тихо. Пили пиво и слушали музыку. Они, похоже, сильно расстроились.

Сосиска умолк и безразлично уставился в окно.

Я выждал несколько мучительно долгих секунд и спросил:

– А еще?

Он повернулся ко мне. Лицо у него как-то изменилось. Погрустнело, что ли.

– Ну, больше ничего и не произошло. Сейшен закончился ближе к завтраку. Мы все поели и разошлись.

– История нереальная! А вы с ними потом еще встречались?

– Нет, и лишь однажды осенью, когда весь мир запел *She loves you*, до меня дошло, что те четверо волосатиков были не обычными однодневками.

Я помедлил, но набрался храбрости и сказал:

– А я поеду и увижу их.

– Кого?

– Пола, Джорджа и Ринго. Тех троих, кто еще жив.

– Ты поедешь посмотреть на битлов?

– Ну да. А что, круто, разве нет?

Он рассмеялся, но по-доброму:

– А почему бы и нет? Ведь они и правда бродят где-то по миру.

Он поднялся, взял свою черную кожаную сумку и пошел к выходу, но по пути остановился и повернулся ко мне:

– У меня есть почти все альбомы «Битлз». Если хочешь, заходи как-нибудь, посмотришь.

Всего за несколько минут до этого я и мысли бы не допустил, что можно взять и поехать в гости к Сосиске, но теперь все изменилось. Он побывал на Луне.

Если в классе узнали бы, что я бывал в гостях у Сосиски, то решили бы, что у меня крыша съехала. Для своих одноклассников я бы тогда считал что умер. Ущерб моей репутации был бы нанесен непоправимый. Тем не менее спустя две недели я сел в автобус и отправился в Фредрикстад.

Было холодно, и, когда я проходил мимо собора, уже начало смеркаться. Я спросил дорогу у старичка на лавке, но даже с его объяснениями я не сразу отыскал расположенный по написанному на бумажке адресу дом.

Наконец я вышел к большому особняку, красивому, с двумя колоннами у двери. Однако краска со стен давно облупилась. Во дворе стоял обледеневший, ржавый садовый столик, а в кустах валялся стул. На кованой калитке явно катались: петли покосились и калитка уткнулась в землю. Я прочел имя на почтовом ящике. «Пия и Сверре Бернер». Все верно, осталось позвонить.

Звонок не работал, и я собрался уходить. Да, мы договорились, что я приеду, но теперь я смогу сослаться, что никто не открыл. Мимо прошел какой-то парень с собакой. Та остановилась возле Сосискиного забора и пометила столбик. Я постучал в дверь.

Сосиска открыл почти немедленно. Он увидел меня и расплылся в улыбке. Пиджак он снял, но рубашка и брюки были теми же, в которых он приходил в школу. По крайней мере, мне так показалось. Я часто ломал голову, ходит ли он в одной и той же одежде каждый день или же у него много одинаковых вещей.

– Привет, Андерс, молодец, что пришел. Долго дорогу искал?

– Нет, – соврал я, – спросил – и мне подсказали.

Он провел меня по коридору на кухню. Здесь явно недавно прибирались, однако я унюхал слабый запах курева, пробивавшийся сквозь запах средства для мытья посуды.

Я думал, что у них и дети есть, но на это ничто не указывало – ни фотографий, ничего. На стене висела одинокая вышивка – две лошадиных головы. Сосиска открыл холодильник, и я разглядел внутри две банки варенья, две коричневые бутылки пива и кувшин буро-зеленого компота. Сосиска вытащил кувшин:

– Хочешь компоту?

Мне не хотелось.

– Да, спасибо.

Из шкафчика над столешницей он вытащил стакан. Сам он, похоже, пить ничего не собирался. Я проглотил содержимое стакана. Судя по вкусу, груша.

– Спасибо большое. – Я вытер рот.

Со взрослыми странная какая-то штука происходит. Вечно они пытаются напоить нас компотом. Я поставил стакан на столешницу и пошел следом за Сосиской в гостиную.

Пускай новинок в коллекции Сосиски и не было, но альбомов было и впрямь много. На двух длинных полках в ряд выстроились пластинки. Я провел рукой по тоненьким корешкам. Beach Boys, Creedence Clearwater, Боб Дилан, Элвис. Парочку я вытащил и принялся изучать

подробнее. Обширная коллекция, прямо на редкость. Сосиска вытащил все пластинки «Битлз» и разложил их на столе.

Студийные альбомы у него были все. Двенадцать штук. Я взял в руки Please please me.

– Их первый. В Норвегии ни разу не выходил. Я купил его в Лондоне. Весь альбом они записали за один-единственный день в феврале шестьдесят третьего. Джон тут такой осипший, как будто неделю не просыхал. Честно говоря, по-моему, это его хриплый голос сотворил чудо.

Слушая Сосиску, я ощущал неловкость: по сравнению с ним я почти ничего не знал. Я, правда, прочел книгу о битлах, которую нашел в библиотеке, но о песнях и альбомах там мало чего рассказывалось.

– А у вас есть любимый альбом? – спросил я, разглядывая обложку Abbey Road и Пола Маккартни, босиком переходившего дорогу.

– «Сержант Пеппер».

– Он вышел в тот год, когда я родился, – вставил я, обрадованный, что могу хоть что-то добавить.

– Шестьдесят седьмой. Лето любви.

Мы рассмеялись, Сосиска достал пластинку и поставил ее в проигрыватель. По обе стороны от полок стояли две большие колонки. Сосиска поднял тонаrm и осторожно опустил иглу на пластинку. Из колонок полилась металлическая органная мелодия, такая простая, что ее, казалось, двумя пальцами наиграть можно. А потом раздался голос Джона Леннона.

*Picture yourself in a boat on a river
With tangerine trees and marmalade skies...*

Сосиска стоял возле двери на веранду и смотрел на улицу. Четыре ощутимых удара – Ринго дал сигнал о начале припева.

Lucy in the sky with diamonds...

Припев будто бы звучал настырнее. «Lucy in the sky», – старательно выпевал Джон.

Сосиска повернулся ко мне, в глазах у него стояли слезы.

Я взял мини-альбом Magical Mystery Tour и пролистал спрятанную в обложке брошюрку, похожую на детскую книжку. Сосиска поставил I am the walrus.

Sitting on a cornflake, waiting for the van to come...

Текст был совершенно бессмысленный.

– Наверное, лучшая у Джона Леннона, – сказал Сосиска.

Я почти два часа там провел, а потом собрался уходить.

– До понедельника. – Он пожал мне руку. Что-то многовато торжественности. Видно, Сосиска решил сменить пластинку и снова превратиться в учителя.

Я вышел и, пройдя несколько метров, обернулся. Сосиска стоял на кухне, возле окна.

Я успел в магазин пластинок до закрытия. Была суббота, и все магазины работали до семи. Покупать я ничего не собирался, но до автобуса оставалось еще двадцать минут, а мне нравилось перебирать пластинки. Среди синглов самым популярным был «Только для твоих глаз» Шины Истон. Мы как раз недавно посмотрели фильм про Бонда. В коробке со скидочными пластинками лежал сингл Майкла Джексона Don't stop 'til you get enough. Он вышел пару лет назад, но свои десять крон вполне стоил. Я положил пластинку на стойку, и продавец подошел за деньгами.

Но бумажника в заднем кармане не было. К горлу подступила тошнота. Я обыскал карманы «битловской» куртки. Пусто. Посмотрел на пол. Ничего.

Столешница. Компот. Когда Сосиска налил мне компот, я как раз убирал бумажку с адресом в кошелек. А кошелек я потом положил на столешницу.

– Вот хрень, – пробормотал я тихо, но продавец все равно услышал.

– Что-то случилось?

– Простите, я бумажник забыл.

Оставив Майкла Джексона на стойке, я выскочил из магазина. Возвращаться к Сосиске не хотелось, но без денег в автобус меня не пустят, так что выбирать не приходится. Если же позвонить домой, мама распереживается и вполне может даже слечь на несколько дней. Впрочем, монеток для телефона-автомата у меня все равно не имелось.

В окнах Сосискиного дома было темно. Наверное, Сосиска куда-нибудь вышел. Я было развернулся, но что-то удержало меня. Я постучался в дверь. Никто не откликнулся. Постучался снова. Тишина. Вот непруха. Я спустился с крыльца, но тут вдруг меня осенило: я вернулся к двери и взялся за ручку. Дверь была не заперта. Я растерянно замер, вглядываясь внутрь, в темный коридор. Раздумывал, не крикнуть ли, но промолчал. Посомневавшись, я все же вошел в дом. Кошелек-то надо возвращать.

Дверь за моей спиной захлопнулась, и я очутился в кромешной темноте. Я прислушался. Нет, ничего. Ориентироваться было непросто, но я вспомнил, что кухня расположена с правой стороны, и вскоре нащупал наконец ручку двери, правда, сперва повалил вешалку с одеждой.

В эту же секунду возле дома притормозила машина. Я замер и затих. Хлопнула дверца, а потом послышались быстрые шаги. Затаив дыхание, я ждал, что входная дверь распахнется.

Но нет, шаги стихли, и в коридоре вновь повисла тишина. Я выдохнул, осторожно взялся за ручку и толкнул кухонную дверь. В кухню добирался свет фонаря с улицы, так что тут было не совсем темно. Мой бумажник лежал на столешнице. С облегчением вздохнув, я схватил бумажник.

– Ты чего это вытворяешь?

Я вздрогнул, ноги подкосились. Сосиска сидел возле окна на табуретке. В слабом свете фонаря я разглядел его профиль. Он, похоже, все время там просидел. Значит, он слышал, как упала вешалка и как я крадусь по коридору, словно какой-то горе-грабитель. Чего ж он не открыл, когда я стучался?

– Простите, я у вас кошелек забыл, – для убедительности я взмахнул кошельком, – а других денег на билет у меня нету.

Он вдруг заулыбался.

– Садись. Еще про «Битлз» поболтаем. Там в холодильнике компот остался. – Он говорил как-то иначе. Увереннее. На столе перед ним стоял стакан, содержимое которого по цвету напоминало уже знакомый мне грушевый компот, но я был уверен, что себе он налил чего-то другого. Ситуация мне не нравилась.

– Простите, – сказал я, – но мне на автобус надо.

– А он когда?

– В полдевятого, – брякнул я, не подумав, и тотчас же пожалел, что не соврал.

– Тогда у тебя полно времени.

Он встал и открыл холодильник. Убогая лампочка осветила Сосискино лицо. Оно блестело от пота, волосы прилипли ко лбу. Сосиска вытащил кувшин с компотом и закрыл дверцу. В кухню вернулась темнота. Сосиска вытащил из мойки мой грязный стакан и поставил его на стол, а мне показал на вторую табуретку:

– Да ты давай, садись.

Больше всего мне хотелось свалить оттуда, но выбора не было, и я послушался. Сосиска налил мне компота.

– Это же чудесно! – Он уселся на свою табуретку и поднял стакан. – Выпьем!

Он чересчур фамильярничал, но я поднял стакан, и мы чокнулись.

– За «Битлз»!

– За «Битлз»! – повторил я, ерзая.

Мы выпили, после чего просто молча сидели. Молчание давило на меня. Мне приспичило в туалет, но говорить об этом я не хотел. Луч света с улицы выхватил из темноты лицо Сосиски. Взгляд у него затуманился. И долго нам еще так сидеть?

– Может, свет включим? – Я огляделся, высматривая выключатель. – Тут чего-то темно-вато.

– А по-моему, все и так видно.

Вообще-то в его словах была доля правды, хотя про «все видно» – это он загнул. Я ерзал на табуретке. Сосиска вытащил пачку табаку и положил щепотку на бумагу, чуть просыпал по дороге, но просто смахнул просыпанное на пол. Потом он умело, пожелтевшими от курева пальцами, свернул самокрутку, облизал обмазанный клеем краешек и прикурил лежавшей на подоконнике зажигалкой. От дыма у меня защипало в глазах.

– А ваша жена ушла куда-то?

Сосиска запрокинул голову и расхохотался:

– Моя жена? Пия? Моя любимая датчанка Пия?

Я промолчал, и он рявкнул:

– Ты о ней, что ли?

Он говорил так злобно, что я испугался и замешкался с ответом.

– Ты о ней, да? – повторил он с прежней злобой.

– Я просто спросил. Не хотел вас обидеть. – Я вскочил, пока он не успел ничего сказать. – Я пойду. Я забыл в магазине пластинку. Майкла Джексона.

На это он ничего не сказал, но, наверное, понял, что все магазины уже давным-давно закрылись.

– А как там твой план увидеть всех оставшихся в живых битлов? Есть что-нибудь новенькое? – этот вопрос Сосиска задал, когда я уже направлялся к двери.

Глаза у меня уже привыкли к темноте, и я разглядел, что он больше не злится, а даже улыбается. Может, ему стыдно, что он разозлился, и теперь он хочет спасти ситуацию. Я слегка успокоился и решил ответить правдиво:

– Да ничего особо нового. В моем возрасте мне за границу одному не выехать. Придется подождать, когда стану чуть постарше.

– Постарше... Да, постарше ты станешь, в этом уж будь уверен, – он помолчал. – Может, мне с тобой съездить?

Что он шутит, я понял, но вопрос все равно прозвучал неожиданно, и что отвечать, я не сразу придумал. Ведь Сосиска, как ни крути, мой учитель.

– Может, и да, – наконец пробормотал я.

Он засмеялся, но тут же закашлялся, так сильно, будто того и гляди выкашляет легкие. Выглядело жутковато. Когда кашель успокоился, Сосиска встал, сплюнул в раковину и смыл плевок.

– Уходишь?

– Ага. – Я выскользнул в коридор, споткнулся о разбросанную по полу одежду и выскочил на улицу.

Едва оказавшись за воротами, я остановился, расстегнул молнию на брюках и с облегчением наблюдал за желтой струей, бьющей прямо в соседские кусты.

* * *

– Вы живете в эпоху грандиозных изменений, и это десятилетие можно вполне обоснованно назвать десятилетием прогресса, – директор на сцене не на шутку разошелся, – подумать только – в этом зале сидят ученики, у которых есть собственный компьютер!

Фруде расправил плечи, и меня охватила гордость за него. У него был «Коммодор 64», куча английских компьютерных журналов, и он умел программировать. Мне самому программирование было до лампочки, но компьютерные игры я вполне себе уважал. Фруде же, наоборот, мог целый вечер просидеть за программой, которая умела бы вычислять толщину стальных балок. Некоторые его интересы я вообще не понимал, но они мне нравились. Это было в определенном смысле круто.

– За время вашей учебы человечество запустило в космос корабли, и, возможно, еще до того, как вы уйдете на пенсию, слетать в космос будет таким же обычным делом, как съездить на юг.

Я посмотрел на Бригта – единственного из моих приятелей, кто побывал на настоящем юге. Он рассказывал, что девушки там загорают без лифчиков, и даже показал большой каталог с фоткой отеля, где они жили. Там были пальмы, пляж и синяя вода. Я не раз пытался представить, каково это – лежать на пляже, когда вокруг – девушки без лифчиков, но фантазии моей не хватало. По сравнению с этим любые космические корабли меркнут.

* * *

До переезда на Ролвсёй Бригт жил в Осло. Мне хорошо запомнился тот день, когда он у нас появился. Это случилось весной, в понедельник. Первый год в старшей школе. Мы пришли на первый урок, а Бригт уже сидел за партой. Он встал, вежливо поздоровался с нами и по очереди пожал каждому руку. Мы к такому не привыкли. Но было в Бригте и нечто притягательное. Что-то, чего не доставало мне самому. И спустя всего неделю мы с Фруде уже направлялись к нему в гости.

Мы заехали в ворота, и я благоговейно оглядел огромный белый дом, где жил священник. Сразу за живой изгородью начиналось кладбище. Сквозь дырку в кустах я увидел женщину, сидевшую на корточках перед могилой. Да уж, если ты сын священника, темноты тебе лучше не бояться.

Комната Бригта располагалась на втором этаже и была намного больше моей, с модными коричневыми занавесками и коричневым покрывалом на кровати, а в углу стояли два потертых кожаных кресла. Возле стены стояли три гитары – электрогитара, бас-гитара и обычная. Рядом с креслами я увидел орган Хаммонда. Впрочем, «хаммондом» мы называли «ямаху», однако клавиши у него были в два ряда, а еще орган был оснащен всякими кнопками, отвечавшими за различное звучание и ритм.

– О, круть, – все эти инструменты явно произвели на Фруде немалое впечатление, – и ты на всех играть умеешь?

– На гитаре и басах лучше всего. Папа отправил меня заниматься музыкой, когда мне шесть лет было. Он-то думал, я буду выступать в ансамбле христианской молодежи, но я отказался. А орган мне отдала одна из теток после переезда сюда.

– У нас тоже есть «хаммонд», – сказал Фруде.

Родители Фруде выиграли орган Хаммонда в спортлото, когда мы учились в четвертом классе, и с тех самых пор Фруде каждый четверг посещал уроки музыки, которые давала одна пожилая дама.

На полке стоял старенький проигрыватель, а рядом выстроились пластинки и синглы. В другом углу на столе примостился маленький телевизор – такой я только на картинке видел, в журнале. Его можно было выиграть, если участвовать во всяких конкурсах, когда ответы посылаешь по почте.

– Черно-белый, – Бригт перехватил наши взгляды, – этой настольной антенной он только НРК² ловит, а чтобы шведов посмотреть, надо вниз спускаться.

– Все равно круто, когда телик прямо в комнате, – восхитился Фруде.

Я взял электрогитару.

– Можно?

Бригт кивнул, включил усилитель, и комнату заполнил тихий гул. Я попытался изобразить несколько аккордов, но выходил какой-то скрежет. Видать, электрогитара – это не то же самое, что обычная, вроде той, что есть у меня дома. Бригт забрал у меня гитару, настроил ее и прибавил звук. Гул усилился. Он растопырил пальцы на левой руке так, как будто собирался взять G, но даже я понял, что это не обычный G.

Бригт вытащил из кармана плектр.

– Ты вроде по битлам фанатеешь?

Я кивнул.

Он провел пальцами по струнам, и в комнате не осталось места, куда не проникал бы этот сочный аккорд. Он до самых печенок пробирал. Из-за верхних высоких нот аккорд казался каким-то незавершенным, будто повисшим в воздухе.

Бригт вопросительно посмотрел на меня.

– A hard day's night, – решил я.

Он кивнул, еще раз взял тот же аккорд и запел:

It's been a hard day's night, and I've been working like a dog...

Не Джон Леннон, конечно, и голос потоньше и хрипловатый, но спел хорошо. Последний аккорд повис в воздухе, после чего Бригт принялся перебирать струны. Как в оригинале.

– Круто! – похвалил я. – Можно попробовать?

Я взял гитару и уселся на кровать. Бригт показал, как правильно держать руку, но струны опять мерзко заскрежетали.

– Ты сильнее дави.

Я напряг пальцы так, что они побелели, снова ударил по струнам – и да, вот он! Волшебный аккорд. Тот самый, что, наверное, стал визитной карточкой битлов.

Фруде сел возле «хаммонда» и взял несколько аккордов. Я рот разинул от удивления: я столько раз просил его сыграть, но он всегда отказывался.

Сейчас он наклонился вперед, и пальцы его побежали по клавишам, а из «хаммонда» полилась простая выразительная мелодия, грустная, но красивая.

– Знаете, что это? – спросил Фруде, не прекращая играть. Я покачал головой. – Whiter shade of pale³, – сказал Бригт, – классика.

Похоже, Бригт знал о музыке больше других, и мне стало стыдно, что я не в курсе.

Он взял бас-гитару и принялся подыгрывать. Как он, однако, шарит в музыке! После второго проигрыша Бригт запел:

We skipped the light fandango...

² НРК – Норвежская государственная телерадиовещательная компания.

³ Дебютный сингл британской группы Procol Harum, выпущенный 12 мая 1967 года.

Фруде заулыбался, а Бригт продолжал:

A whiter shade of pale...

От этой песни мне почему-то сделалось грустно.

Потом мы с Фруде уселись в кресла, а Бригт расположился на кровати и принялся наигрывать гитарное соло к Stairway to heaven. Да, именно этого сейчас и не хватало.

– Ты верующий? – спросил Фруде.

Бригт перестал играть и посмотрел на Фруде.

– Нет, я атеист.

Хотя он и был сыном священника, я почему-то не удивился.

– Но у тебя ж отец священник. Как же так вышло? – не отставал Фруде.

– Раньше я думал, что все живое создал некий бог, но сейчас ученые запросто могут создать жизнь в пробирке: смешивают водород, кислород и азот, пропускают электрический заряд – и бац! – Бригт щелкнул пальцами – Вот и люди так же появились.

– А твой отец знает, что ты в Бога не веришь? – спросил я.

Бригт покачал головой и отвел взгляд:

– Нет.

Потом он поставил пластинку. «Битлз», «Белый альбом». Шум самолета, идущего на посадку в Москве. Я представил, как к самолету подают трап, Пол Маккартни появляется в дверях и поет: *Flew in from Miami Beach BOAC, didn't get to bed last night.*

– А Юлия верующая, – вырвалось у меня.

– Юлия? – Фруде озадаченно уставился на меня.

– Ну Юлия, из нашего класса, – нехотя объяснил я, – она верующая.

– Да я знаю, а чего это ты вдруг про нее вспомнил?

Вообще-то я только о Юлии и думал, но прежде, чем я нашелся с ответом, Бригт спросил:

– Ты влюбился? – Он спросил это серьезно, без издевки. Как будто мы были старше, чем на самом деле. Но мне все равно стало не по себе, и я покраснел.

Я кивнул.

– Серьезно? – выпалил Фруде.

Я снова кивнул. Они засмеялись, но незлобно и необидно.

– Вот ты попал, – сказал Фруде, – придется тебе в церковь почаще ходить и душу спасать.

Они опять засмеялись, и я с ними.

– Ну и ладно, – согласился я, – я все равно собирался первое причастие проходить.

Мы помолчали, и я решил сменить тему.

– Можно возьму переписать? – Я взмахнул конвертом от «Белого альбома».

– Ясное дело, – разрешил Бригт, – только смотри не поцарапай.

Тем же вечером я сидел у себя в комнате и разглядывал коллаж, вложенный в конверт с пластинкой. В доме было тихо. Все остальные уже легли. Я раздумывал, спит Юлия или нет. С одной из фотографий на меня смотрел стоящий у окна голый Пол Маккартни.

* * *

– Но самым великим изобретением мы обязаны венгерскому архитектору Эрнё Рубику. – Директор вернулся из космоса и теперь держал в руках кубик Рубика.

– Рубик добился того, что я лично полагал невозможным. Его изобретение побудило молодежь добровольно тренировать собственные мозги. Причем часами. Это настоящий вол-

шебный кубик. Поэтому, если ваши достижения будут более великими, чем достижения ваших предков, вы знаете почему. – Директор улыбнулся, явно довольный придуманными доводами.

Юлия наклонилась ко мне и прошептала:

– Он мог бы хоть одну сторону сложить для наглядности.

Ее волосы щекотали мне лицо, и мой собственный голос показался мне каким-то странным:

– У него не получится. Он же в молодости мозги не тренировал.

Юлия улыбнулась. Не сомневаюсь – она, как и я, вспомнила о кубике Рубика, который нам так и не удалось сложить во время школьной экскурсии год назад.

* * *

Когда Сосиска узнал, что наш класс никогда не ездил в Музей кораблей викингов, он прямо-таки из себя вышел:

– Вы вообще в курсе, что Тюнский корабль нашли у нас на Ролвсёе? В этом самом месте?

Мы были в курсе, но когда мы ездили на экскурсии в столицу, то всегда голосовали за Технический музей.

Уже на следующий день Сосиска разослал нашим родителям записки с известием о предстоящей экскурсии в Осло.

Автобус ждал нас возле школы. Мама дала мне с собой бутылку колы, а такое случалось не каждый день. Самые крутые, естественно, уселись сзади. Мы с Фруде и Бригтом заняли места чуть ближе к водителю. Не в самом начале салона – там сидели девчонки, которых укачивало, а примерно посередине. А что, тут надежно. Юлия, Сёльви и Гюнн, или, как мы их называли, девчонки из Хауге, сидели перед нами, и я ужасно этому радовался.

Кеннет сунул водителю кассету с альбомом KISS. Спорить было бесполезно, поэтому, когда мы выехали на шоссе Е6, в колонках гремела Shout it out loud.

Девочки спереди заныли, что музыка чересчур орет, но, когда водитель убавил громкость, Кеннет подошел к нему и заявил, что теперь сзади ничего не слышно. Водитель прибавил громкость.

Сидевшая перед нами Юлия вертела в руках цветной кубик.

Переломив страх, я наклонился вперед:

– Это что?

Она повернулась:

– Кубик Рубика. – Юлия подняла его повыше. Кубик состоял из небольших разноцветных квадратных кусочков.

– Ясно. А зачем он?

– Ну, это вроде как волшебный кубик. Хочешь попробовать?

Я взял кубик в руки.

– Смысл в том, чтобы с каждой стороны были квадратики только одного цвета. А сам кубик можно крутить. Вот, гляди!

Она перегнулась через спинку сиденья и повернула кубик, который я держал в руках. Ее пальцы дотронулись до моих. Меня будто током ударило. Электрический разряд пробежал по рукам и стукнул в голову. Я, наверное, загорелся, прямо как лампочка, так что весь автобус осветило.

– Показать, что я умею?

Я кивнул. Все равно я ни слова из себя не выдавил бы. Юлия взяла кубик и начала вертеть его. Я старался смотреть на кубик, но взгляд переползал на Юлию. Так близко я ее еще не видел. Живые голубые глаза. Уши – такие маленькие. Неудивительно, что волосы постоянно

падают на лицо. Она сосредоточенно хмурилась, в животе у меня щекотало, и я надеялся, что она вечно будет вертеть этот кубик.

– Вот! – Она ликующе подняла кубик, а я вернулся на землю. Теперь одна сторона кубика была синей. Все остальные по-прежнему представляли собой мешанину из разных цветов.

– Круто.

– Попробуй сам.

Я забрал у нее кубик, и девчонки занялись своим делом.

Сложить кубик оказалось задачей совершенно непосильной. Ни у Бригта, ни у Фруде тоже ничего не вышло.

Немного погодя я вернул кубик Юлии.

– Спасибо. И правда тяжело.

– Его только гении умеют складывать.

Я посмотрел на Фруде, но тот, похоже, не расслышал.

Сзади слышались крики. Сидевшие там сгрудились вокруг Кеннета. В чем дело, догадаться было нетрудно: Кеннет притащил с собой порножурнал.

Однажды я наткнулся на такой журнал в комнате у Харальда. Я еще помнил то странное чувство, которое появилось у меня после того, как я прочел его, ну а взять порножурнал с собой на экскурсию – это вообще ни в какие ворота.

Сосиска направился к ним.

– Уберите немедленно.

Кеннет посмотрел на него. В глазах у него не было ни доли раскаяния.

– А вы сами как, не интересуетесь? – он показал журнал Сосиске. «Свеженькие новости». И голые тетки на обложке.

Но Сосиска на это не повелся – он молча ждал, пока Кеннет сам не опустил руку и не отложил журнал в сторону. Конец веселью.

Когда мы доехали до зоопарка в Винтербру, один из парней подошел к Сосиске и спросил, не остановимся ли мы тут ненадолго, однако Сосиска отказал ему.

– А мы примерно часам к трем будем в центре Осло? – спросил Бригт.

Сосиска кивнул.

Было решено, что в центре нас отпустят погулять одних, без учителя. И, самое потрясающее, Фруде собирался купить себе стереомагнитофон. Он пропалывал растения в теплице, а деньги копил, так что теперь в бумажнике у него лежали шесть тысяч крон. В газете «Афтенпостен» Бригт нашел объявление о распродаже: две модульные компонентные системы по сорок ватт каждая, причем за полцены. Я бы тоже не отказался от стереомагнитофона, но работы у меня не было, так что с этой мечтой я распрощался.

Сзади повисла подозрительная тишина. Кореша Кеннета снова сгрудились вокруг него.

– Да не дергай ты ее! Аккуратно держи! – прошипел Кеннет, и все остальные заржали.

Сосиска опять направился к ним, и подошел как раз в тот момент, когда Кеннет выдавил из себя последние капли в бутылку из-под колы и застегнул ширинку. Прodelать это ему было нелегко.

Наконец Кеннет торжествующе поднял бутылку, в которой плескалась моча.

– Вы же сами отказались останавливаться!

Тут уж Сосиска разозлился. Автобус съехал на обочину, и Кеннет выбросил бутылку в овраг. До конца поездки Кеннета пересаживали вперед. Да, веселье явно закончилось.

Когда автобус подъехал к музею, настроение у всех опять улучшилось. Сосиска купил билеты, и мы протиснулись через турникеты внутрь.

Первым по пути был Осебергский корабль. Он так хорошо сохранился, что хоть сейчас спускай его на воду. Сосиска рассказал про набеги викингов на Англию и Испанию. В Испании

в этих регионах до сих пор попадает много голубоглазых испанцев. На этом месте даже Кеннет засмеялся. Следующим шел Гокстадский корабль – длинный, внушительный и с острым, приподнятым носом. Но мы-то приехали посмотреть на Тюнский корабль, наш собственный корабль викингов. Мы зашагали дальше.

Наконец Сосиска остановился:

– Тюнский корабль!

Перед нами возвышалась груда досок. Некоторые из этих гнилых досок были сколочены и, возможно, когда-то представляли собой нос корабля.

– Это ж мусор!

В кои-то веки я был согласен с Кеннетом.

– Те, кто проводил раскопки в середине девятнадцатого века, просто не очень представляли, с чем имеют дело, – пояснил Сосиска.

Я почувствовал себя одураченным. Значит, это все, что наш Ролвсёй способен показать миру? Да уж, неловко вышло.

Настроение у всех упало. Вообще-то мы планировали пойти в музей «Кон-Тики», но сейчас желание пропало.

– Давайте вы нам лучше на следующей неделе расскажете про Тура Хейердала? – предложил Бригт.

Сосиска согласился, и на Ратушной площади мы оказались, когда еще не было и часу дня. Мы нетерпеливо слушали Сосискины наставления, а потом двери автобуса наконец открылись, и мы друг за дружкой, как телята по весне, вышли на улицу. Я заозирался в поисках Юлии, но и она, и две другие девочки из Хауге уже куда-то подевались.

Фруде хотелось немедленно пойти за магнитофоном, но до отъезда у нас оставалось еще пара часов, поэтому пришлось бы таскаться с этим магнитофоном по улицам. Мы направились на улицу Карла-Юхана, отыскиали там музыкальный магазин и прилипли к полкам с пластинками. Да, это тебе не жалкая лавочка в Фредрикстаде. В этом магазине было все. Бригт взял пару пластинок, нацепил наушники и уселся слушать. Мы с Фруде рылись в пластинках.

– Андерс, – позвал меня Бригт, – послушай, тебе это наверняка понравится.

Я взял у него наушники.

Тяжелые гитарные рифы. А следом – песня, серьезная, емкая. I walk away, walk away, I will follow. Не сказать чтобы я прямо влюбился в нее, но мне показалось, будто я слушаю что-то важное.

Когда игла перепрыгнула на следующую дорожку, я снял наушники.

– Надо будет еще разок послушать. Это кто?

– U2, – ответил Бригт, – ирландцы. Очень мощные.

Я посмотрел на обложку. Boy. И фотография мальчика с голым торсом. Огромными, испуганными глазами мальчик смотрел на меня. Такая картинка кого хочешь растрогает.

– Я уже решил, что возьму The Wall, а иначе точно бы этот купил, – сказал Бригт. Он уже положил перед собой альбом «Пинк Флойд» с белой кирпичной стеной на обложке.

Наверное, я окончательно решился благодаря не музыке, а фотографии с мальчиком.

– Тогда я возьму этот.

– Круто, – обрадовался Бригт, – а дашь мне потом переписать?

– А то. – Мне было приятно, что теперь у меня есть что-то нужное Бригту.

Фруде купил The River. Ему было нужно хоть что-то в придачу к новому магнитофону.

Потом Бригт пошел в другой магазин за струнами для гитары. Мы с Фруде ждали его на улице, на лавочке. Весь город грелся под солнцем. Вокруг сновали мужчины в костюмах, бездомные, родители с детьми и девушки в белых юбках. Девушек в белых юбках было особенно много. И прямо в центре сидели мы. Настоящие граждане мира.

К нам направлялись две шикарные девчонки. Им было уже лет под двадцать, но они остановились прямо перед нами.

– Привет, – сказала длинноволосая брюнетка с ногами длиннее, чем у Барби, и в коротенькой юбочке.

– П-привет, – выдохнул я.

На ее подружке – блондинке, и тоже длинноволосой – была обтягивающая розовая футболка с таким вырезом, от которого я с трудом взгляд оторвал.

– Нам показалось, вы неплохие парни, поэтому мы и решили к вам подойти.

Мы с Фруде расправили плечи.

– Дело в том, что мы потеряли деньги, – от ее голоса, мягкого и нежного, меня окутала сладкая дремота. Мой дед держал пчел – так вот пчелы наверняка чувствовали себя похоже, когда дед окуривал улей и вытаскивал из него мед.

– Вот мы и подумали – может, вы нам подбросите немного на билет на поезд?

– Ясное дело, – Фруде уже вытаскивал бумажник, – вам сколько?

– Сорок крон.

Девушки подошли совсем близко, и пахло от них так сладко, что у меня даже голова закружилась.

Я вытащил из кармана две банкноты:

– Вот вам двадцатка.

Барби улыбнулась:

– Спасибо. Ты очень добрый.

Фруде открыл бумажник, и грудь девушки вдруг оказалась у него перед глазами.

– Ой, сколько у тебя денег!

– Я магнитофон хочу купить.

По-моему, Фруде вообще перенесся в лучшие миры. Он вытащил две десятки и сунул бумажник в карман.

– Держи.

Девушка с вырезом наклонилась еще ниже и поцеловала Фруде.

– Спасибо, – теперь на щеке у него отпечатался красный след от помады.

Внезапно рядом появился Бригт.

– Что тут происходит?

Девушек как ветром сдуло, и у меня вдруг возникло чувство, будто меня застали врасплох.

– Им надо было сорок крон на билеты. – Покраснев как рак, Фруде потер щеку.

– Да вы оба просто придурки. Проверьте-ка бумажники!

Мой оказался при мне, а вот Фруде задержался.

– Вот хрень, он исчез...

Я не стал дожидаться, когда Фруде договорит, и бросился следом за воровками. Они уже отошли довольно далеко, но бежал я быстро. Заметив меня, они тоже пустились наутек, но я оказался быстрее, и вскоре меня отделяли от них всего несколько метров. Я прибавил ходу, но тут девушка с вырезом кинула бумажник в фонтан. Бежавший позади меня Фруде прыгнул в фонтан и выловил бумажник. Я приостановился.

– Есть! – Фруде стоял в фонтане и держал над головой мокрый бумажник.

Девушки скрылись в привокзальной толпе.

Ко мне, задыхаясь, подбежал Бригт.

– Да вы просто сосунки! Вас ни на секунду нельзя одних оставить! Вот придурки-то!

Фруде вылил из ботинок воду и принялся пересчитывать деньги.

– Спасибо!

В ответ я кивнул, и Фруде спросил:

– А если бы ты их догнал, что бы сделал?

Отличный вопрос.

– Наверное, попросил бы меня поцеловать

Мы засмеялись.

– Это был мой первый поцелуй, – выдавил Фруде и погладил себе щеку.

– Совсем ты безмозглый, – сказал Бригт, – пошли за магнитофоном, и побыстрее, пока еще какие-нибудь теткли вас не окрутили.

Когда мы наконец втащили коробку с магнитофоном в автобус, то испытали настоящее облегчение. Фруде волновался, что мокрые банкноты не примут, но все обошлось.

– Мне надо с одним корешем в Осло встретиться, – сказал Бригт.

– Прямо сейчас?

– Ага, – Бригт посмотрел на часы, – через пять минут.

– А чего ты раньше не сказал?

– Да я забыл, прости, – и он уже шагал по улице Карла-Юхана, – ладно, увидимся.

Мы с Фруде опять уселись на лавочку и принялись глазеть на прохожих.

На лавочке чуть поодаль сидел Сосиска, но нас он не видел, а сами мы предпочли оставаться незамеченными.

И тут мы высмотрели в толпе их – уже знакомых нам девушек. Сперва они как ни в чем не бывало разгуливали по улице, а затем направились к Сосиске. Девушка в розовой футболке уселась рядом с ним на лавку и наклонилась ближе. Мы затаили дыхание. Сосиска улыбнулся, они что-то сказали ему, но он лишь отмахнулся от них. Девушки пожали плечами и пошли дальше. Мы довольно переглянулись. Да, чтобы обмануть Сосиску, короткой юбки недостаточно. В этот момент девушки заметили нас. Я думал, что они сбегут, но вместо этого они замахали нам руками и заулыбались, а мы были так ошеломлены, что даже помахали им в ответ.

– А это кто такие?

Мы обернулись. Сзади стояли Юлия, Сёльви и Гюнн. Они, наверное, пришли со стороны сквера Студентерлунден.

– Обычные карманные воровки, – ответил я.

Девушки снова скрылись среди других прохожих.

Юлия и ее подружки засмеялись.

– Там рядом с вокзалом кубик Рубика продают, – сказала Юлия, – если хотите, покажу вам где.

– Круто! – Я бы согласился, даже предложи она отвести меня пешком до Трумсё.

У киоска «Нарвесен» лежала целая куча таких кубиков, и несколько наших одноклассников уже стояли в очереди к кассе.

– Это классическая модель, – сказала Юлия.

Мы купили по кубику и пошли с девчонками обратно к автобусу. Я надеялся немного поболтать с Юлией, но она спряталась между Сёльви и Гюнн.

Почти все уже сидели на своих местах. Бригт тоже.

– Встретился с приятелем? – спросил я.

– Да. Просто, если уж мы сюда приехали, глупо было не встретиться.

Я и не знал, что у Бригта есть приятели кроме нас.

В четверть шестого в сборе были все, кроме Кеннета и одного из его дружков. Несколько человек отправились на поиски, но безрезультатно.

Сосиска себе места не находил.

– Никому – понятно вам? – никому из автобуса не выходить! Всем сидеть на местах!

Сам же он, как надсмотрщик в тюрьме, уселся в дверях и скрутил самокрутку.

Кеннет с другом появились около шести. Они шагали, навалившись друг на друга, и тряслись от хохота. Оба были в стельку пьяные.

Сосиска отбросил самокрутку и, схватив их за куртки, втолкнул обоих в автобус.

– Неблагодарные охламоны!

Мы притихли. Кеннет залез в автобус, ухватился за сиденья с обеих сторон от прохода, наклонился вперед, и его вывернуло. Те, кому не повезло сидеть ближе к нему, отшатнулись. Потом он вытер рукавом рот и рухнул на сиденье. Кто-то принес туалетную бумагу, и пара ребят вытерли пол, однако в автобусе по-прежнему стояла вонь пива вперемешку с желчью. Сосиска велел Кеннету и его корешу сесть на первый ряд и выдал каждому из них по ведерку, но оба заснули еще на подъезде к Морскому училищу. По дороге домой в автобусе было тихо. Полкласса вертели в руках кубик Рубика.

Когда мы проезжали Мосс, я просунул голову между передними сиденьями:

– Юлия?

Она повернулась, и я показал ей кубик:

– Я собрал одну сторону.

Теперь все красные квадратики были с одной стороны.

* * *

Кто-то потянул меня за руку, и я вернулся в спортивный зал.

– Хочешь жвачку? – Юлия протянула мне пачку «Джуси фрут».

Я кивнул и вытащил пластинку. Юлия кликнула Гюнн и Сёльви, сидевших перед нами, и предложила жвачку им. Я решил, что Юлии, наверное, неловко оттого, что сидит она не вместе с ними. Эти две вообще обычно от Юлии ни на шаг не отходили, но, когда они сегодня появились, Юлия уже сидела между мной и Бригтом. Ее подружки явно расстроились, а я почему-то возликовал.

– Вы разъедетесь – сперва чтобы учиться дальше, а потом начнете работать, – продолжал директор, – вы повстречаете на своем пути новых людей, которые подарят вам новые впечатления.

Я надеялся, что некоторые впечатления меня минуют. Например, я бы с легкостью обошелся без тех, что подарили мне Кеннет и его приятели.

– Но даже когда вы заведете новые знакомства, хорошо подумайте, прежде чем приносить им в жертву старых друзей, появившихся у вас здесь.

Гюнн взяла у Сёльви бумажник и вытащила из него маленькие фотографии. Она поднесла одну из них к глазам и захихикала, но не успел я разглядеть, чья это фотка, как Гюнн прикрыла ее ладонью. Вряд ли, конечно, они хихикают над моим снимком, но полностью уверен я не был. Когда девчонки вот так смеются непонятно над чем, это всегда неприятно.

Мы с Фруде зашли как-то в фотокиоск на вокзале во Фредрикстаде и наделали там фоток. На следующий день мы случайно проговорились об этом в классе, и тогда девчонки, естественно, попросили у нас пару снимков. В том числе и Юлия. Фотографии мы им отдали. В этом и был весь смысл: мне было невыносимо думать, что фотографии других парней у Юлии есть, а моей нету.

У меня тоже имелась фотография Юлии, сделанная года два назад, зато красивая. Она лежала у меня в бумажнике и сразу бросалась в глаза, но мне было все равно.

К тому же я никогда не забуду, сколько усилий нам пришлось приложить, чтобы сделать эту фотографию.

* * *

Когда мы в тот день сели на велосипеды и выехали в сторону Фредрикстада, машин на шоссе почти не было. Правда, обычно летом там вообще бывало довольно пустынно, но этим утром все шоссе было в нашем распоряжении.

– Все, небось, дома сидят перед телевизором и смотрят, как этот престарелый урод женится на леди Ди, – предположил Фруде, – ее до слез жалко.

– А мне вообще положить на эту свадьбу, – отрезал Бригт.

Мама обожала всяких особ королевской крови. На даче у нас весь туалет изнутри был оклеен фотографиями европейских королевских семей. А маме все мало было. Этого ее увлечения я не понимал. Вот и сегодня она наверняка прилипнет к телевизору. Мы специально домой с дачи вернулись, чтобы она не пропустила свадьбу. Папа тоже будет с ней смотреть, хотя на самом деле ему все равно. В обычный день мама не отпустила бы меня в поход с палаткой, но спасибо Диане – тем утром мама пребывала в чудесном настроении. Она поцеловала меня в щеку и пожелала хорошей поездки.

– Но Диана все равно красивая, – сказал я.

Мама выписывала журналы «Ношк Укебла» и «Йемме», и в обоих каждую неделю печатали фотографии Дианы – сначала сделанные преимущественно папарацци, но в последнее время там начали появляться и снимки, где Диана специально позировала фотографам. Некоторые наши одноклассники даже стриглись, как она: короткие волосы с длинной челкой, из-под которой невинно и простодушно смотрели на мир ее глаза.

– Вот и я о том же, – подхватил Фруде, – почему она, такая красотка, выходит замуж за этого замшелого старикана?

Мы проехали мимо ручья Робеккен. Было жарко, как бывает ясным летним утром. К багажникам мы привязали палатку, спальные мешки и примус. Разбить палатку мы решили в национальном парке Мэррапанна. Туда никто из нас раньше не доезжал, но Харальд сказал, что поставить там палатку – самое оно. Однако туда мы все равно собирались не сразу. Сперва надо было заехать на Валэр⁴.

– Вы хорошо Валэр знаете? – спросил Бригт.

– Нет, – ответил Фруде, – но мы там как-то раз были. Ездили с классом на остров Акерёйя.

С самого начала каникул я ни разу не видел Юлию, поэтому, если уж мы все равно едем в поход, я уговорил приятелей быстренько заехать на Валэр, где Юлия с семьей отдыхала на даче. Прежде всего, мне хотелось ее просто увидеть. Но и еще кое-что. Мне нужно было сфотографировать ее. Мне представлялось, что все острова Валэра расположены с одной стороны, но до Крокерёя оказалось довольно далеко, и нам пришлось ехать несколько километров до первого моста. Там мы притормозили и огляделись. Перед нами раскинулся Валэр с его скалами, островками и дачами, и в одной из них жила Юлия.

Бригт подъехал ближе ко мне.

– И как ты собрался искать ее дачу?

– Да это несложно. Спросим у кого-нибудь.

Мы переехали через мост, свернули направо и поехали по дороге к морю и к лодочной станции. Мы проголодались, а там наверняка имелся магазин.

На лавочке возле станции сидел какой-то тип с чашкой кофе. Он курил трубку. Мы спрыгнули с велосипедов, и дядька поднял голову.

– Простите, – начал я, – вы не знаете, где тут дача Карлсенов?

– Карлсены... – он перевел взгляд на Бригта и Фруде, – а у них тут дача, на Щёкёйе?

⁴ Валэр – архипелаг, состоящий из множества островов, на которых находятся дачи.

– Кажется, да. По крайней мере, точно на Валэре.

– Нет, – неторопливо проговорил он и выбил трубку о камень, – тут я вам, к сожалению, не помощник.

Наивно было думать, что первый же встречный укажет нам дорогу, поэтому, когда мы зашли в магазинчик, я еще не потерял надежды.

Мы купили булочек и съели их прямо там, разглядывая лежавшую на стойке карту. Да, Валэр оказался неожиданно большим, но теперь мы хотя бы тут ориентировались. И перекусить было нелишним.

Спустя три часа мы успели опросить несколько десятков прохожих и даже познакомились с дачником по фамилии Карлсен, который при этом не относился даже к самым дальним родственникам Юлии. На лодке мы перебрались на Сильехолмен, покатались по Вестерёю, пересекли Спьяррёйю, а теперь стояли где-то посреди Асмалёя. Настроение было хуже некуда. Даже я начал терять терпение. Неподалеку, возле почтовых ящиков, топтался еще один дачник, и я отважился на последнюю попытку.

– Значит, вы ищете дачу Карлсенов? – Судя по выговору, он приехал из Осло.

– Ну да, – ответил я.

– Но больше вам ничего не известно?

– Нет, знаем только, что она тут, на Валэре.

– И вы рассчитываете, что вам повезет?

– В смысле?

– Тут примерно четыре тысячи дач, а островов – несколько сотен. Времени вам понадобится немало. Впрочем, вы еще молоды, торопиться вам некуда.

Мы распрощались с этим клоуном из Осло и поехали на паромный причал. На пристани уже выстроилась длинная вереница машин – паром отсюда шел на Киркёй. Мы купили по хот-догу и мороженому, уселись на пристань и болтали ногами в воде, разглядывая приближающийся паром.

– Отстой какой-то, – сердито сказал Бригт, – и что нам, по-твоему, сейчас делать? Ехать на Киркёй? А вдруг дача у них на Спьяррёе была? Или на Вестерёе? Или вообще на каком-нибудь совсем мелком острове, у которого и названия-то нету?

Солнце висело посреди неба. Было жарко. Мы устали. Только зря проехали.

– Ладно, – согласился я, – плевать. Я думал, Валэр поменьше. Доедаем мороженое и едем на Мэррапанну, окей?

Они кивнули, и теперь мы молча облизывали мороженое. Наверное, глупо было тащить сюда всех остальных. Ведь это я в Юлию влюблен, а не они.

– Ой, – послышалось сзади, – а вы-то тут что делаете?

Я повернулся и увидел Юлию. Как в сказке. Она стояла на пристани, залитая солнцем, загорелая и прекрасная, в белом платье и сандалиях, с голыми ногами. И еще она держала в руках корону из золотой бумаги. Такой красивой я ее еще не видел. Ради этого момента я бы и до Нордкапа доехал.

– Ой, привет, – пробормотал я, – и ты тоже тут? Надо же!

– Но вы-то здесь что делаете?

– Мы на Мэррапанну едем, в поход, – я показал на привязанное к багажникам снаряжение.

Бригт хотел было что-то добавить, но сдержался.

– Но Мэррапанна же на Унсёе, разве нет?

– Сделали небольшой крю-ук, – ответил Фруде. Прежде гласные у него выходили без заиканий. – Свернули не там.

Юлия рассмеялась.

– А у вас на Асмалёе дача? – спросил я.

– Нет, – сказала Юлия, – на Киркёе, – она посмотрела на остров по другую сторону залива. – Просто на Вестерёе у нас друзья живут, а у них есть телевизор, и мы ездили свадьбу смотреть.

Она махнула рукой с зажатой в ней короной, и до меня дошло: Юлия нарядилась в платье и корону специально, чтобы посмотреть свадьбу. Да она прямо как моя мама. Однако обрадовался я тому, что у них с мамой были общие интересы, или нет, я не знал.

Юлия замолчала. Задумалась. За лето волосы у нее выгорели, и теперь она была почти блондинкой.

– Мама с папой вон в той машине, белой, почти впереди, – она показала на «Вольво 240», третью в очереди.

Женщина в «вольво» заулыбалась и как-то истерично замахала нам в окно. Мы помахали в ответ. За рулем сидел отец Юлии. У него была окладистая борода, и махать он не стал. Юлия покраснела.

– Хорошо, что они поженились, – сказал я, – и как свадьба прошла?

– Диана была такая красивая в свадебном платье, – мечтательно сказала Юлия, – а вы что, не захотели смотреть?

– Да нам как-то не особо интересно, – признался Фруде.

Мы замолчали, почему-то всем сделалось неловко. Мать Юлии с нас глаз не сводила. Паром причалил, и машины с Киркёя начали съезжать на берег.

– Нам уже пора. Я пойду.

– погоди, – вспомнил я, – можно тебя сфотографировать?

– Сфотографировать?

Адреналин ударил мне в голову, и пришлось поднапрячься, чтобы не подавать виду.

– Я вообще много фотографирую. Хобби такое. И тебя тоже сфотографировал бы. Если можно. Если уж мы вот так случайно встретились.

– Ну ладно.

– А можешь вон туда сесть? – Расхрабрившись, я показал на швартовочный столбик на самом краю пристани, и Юлия послушно присела на него.

Я вытащил фотоаппарат. Руки слегка дрожали.

Мать Юлии вышла из машины и наблюдала за нами. Юлия водрузила на голову корону и закинула ногу на ногу. Теперь она и правда напоминала принцессу, а за ее спиной блестело море. Лучше и не придумаешь.

Я поднял камеру, но тут Фруде вдруг подошел к Юлии и уселся сзади. Сперва я не понял, чего он туда влез, однако Фруде повернулся ко мне и выпрямился. Я глазам своим не верил. Он тоже решил попозировать! Ну как же можно быть таким идиотом?! Мы с таким трудом отыскивали Юлию, уговорили ее попозировать, а Фруде взял и все испортил! Я отчаянно строил ему рожи в надежде, что он свалит оттуда, но тот не замечал.

Мало этого – Фруде еще и крикнул:

– Бригт, ну ты чего застрял, пошли!

Бригт вопросительно посмотрел на меня, но я лишь растерянно стоял посреди пристани, поэтому он пожал плечами и встал по другую сторону от Юлии.

Теперь посередине сидела моя принцесса, а вокруг стояли двое моих до этого дня лучших приятелей. Выбора у меня не оставалось.

– Улыбочку, – скомандовал я и спустил затвор.

Фруде выглядел слегка вздернутым, Бригт равнодушно смотрел в объектив, зато как же чудесно улыбалась Юлия!

– Круто будет, – сказал я, надеясь, что мне удалось скрыть разочарование.

Юлия встала и сняла корону.

– Ну, пока! Еще увидимся.

– Пока! – попрощался я. – Ага, увидимся.

Юлия подошла к «вольво», обернулась и помахала. И мы тоже замахали в ответ. Юлия уселась на заднее сиденье, и через пару минут машина скрылась на пароме. Мы сидели и смотрели вслед парому, пока тот не завернул за остров.

Тут уж меня прорвало.

– То есть мы проехали сто километров, – меня распирало от злости, – чтобы сфоткать Юлию, а ты умудрился все изгадить! Ты вообще головой думаешь или чем?

– Прости, – оправдывался Фруде, – у меня само собой вышло. Просто иначе все выходило как-то тупо. Вот я и решил внимание отвлечь.

– Ты как думаешь, долго нам еще до Мэррапанны? – опасливо поинтересовался Фруде, когда мы уже несколько километров проехали молча.

– Хотелось бы, чтоб было долго!

Когда мы доехали до моста Кракерёйбруа, злость улеглась. Ведь, в сущности, Юлию мы отыскали, снимок я сделал, и в голове у меня крутился шведский хит того лета:

*Другим признаться так непросто,
Когда ты думаешь о ком-то...⁵*

В конце концов я не выдержал и запел во все горло:

*А я хочу к тебе прижаться
И стуком сердца наслаждаться...*

Обеими руками я ударил по рулю и заголосил дальше:

*Губы наши сливаются,
Мое сердце срывается...*

Бригт покачал головой:

– Быстрее бы уже доехать.

Мы проехали Грессвик и выехали на дорогу к пляжу. Еще через два с половиной часа мы наконец увидели табличку, на которой было написано, что мы на Мэррапанне.

– The promised land!⁶ – обрадовался Бригт и спрыгнул с велосипеда. – В Осло сел на метро – и ты на месте. Там за сто километров на велике никто не тащится. По крайней мере, не ради того, чтобы сфотографировать девчонку. Даже если у нее на голове корона. – Он опустился на колени, сложил руки, прикрыл глаза и проговорил, запрокинув голову к небу. – Господи Боже, пожалуйста, верни меня обратно в цивилизацию! Аминь.

– Слушай, – начал я, – да ты ж даже в Бога не веришь.

– Но попытаться-то можно.

Подскакивая на ухабах, мы проехали по тропинке и выехали на поросшую травой лужайку. Добирались сюда мы и впрямь долго, но Харальд не обманул: здесь полным-полно было потрясающих местечек, где так и тянуло поставить палатку. Мы слезли с велосипедов.

⁵ När vi två blir en («Когда двое становятся единым целым») – хит шведской группы Gyllene tider, созданный в 1980 году. – Здесь и далее перевод песен выполнен Ольгой Сухановой.

⁶ Земля обетованная! (англ.)

– Вообще-то странно, что никто до сих пор не обнаружил, как тут круто жить в палатке, – удивился я.

– Эй, парни, гляньте-ка! – Бригт отошел чуть в сторону и теперь стоял перед какой-то табличкой. Мы подошли к нему.

«СТАВИТЬ ПАЛАТКИ ЗАПРЕЩЕНО».

– Да не, это хрень какая-то, – не проверил я, – у нас всего-то одна трехместная палатка, нам за нее ничего не будет. Это же национальный парк, тут люди в походы ходят, нет разве?

– По-моему, тут все ясно написано, – сказал Бригт, – даже ежик бы понял.

Сверху, над надписью, был рисунок: индейский вигвам, перечеркнутый двумя жирными красными линиями.

– Может, это только индейцам нельзя? – предположил Фруде.

– Я отсюда ни на метр не сдвинусь, – заявил Бригт.

– Давайтеждемся, когда стемнеет, и тогда уж поставим палатку, – предложил я, – подальше в лесу.

Бригт недоверчиво взглянул на кусты.

– В этом буреломе полно комаров, и жить там нельзя. Тут же поблизости вроде какая-то гостиница есть?

– На гостиницу у нас денег нет. Ладно, хрен с ней, с палаткой. Переночуем прямо на берегу, на валунах. В спальники залезем, и нормуль. Уж это-то не запрещено.

На том и порешили. Мы приободрились. Перед нами простиралась морская гладь. Чуть поодаль виднелись шхеры. Валуны блестели на солнце. Пейзаж напоминал открытку. Мы поплавали. Нашли камень, с которого особенно сподручно было прыгать в воду. Я наслаждался свежей прохладой воды. В воздухе еще оставалось тепло, поэтому мы вылезли из воды и посидели немножко на валунах, обсыхая. Мы разожгли примус, и Бригт с Фруде взялись за готовку – они посулили мне такой ужин, после которого и гурман пальчики оближет. Я же вытащил кубик Рубика. Вообще-то я каждый вечер его вертел, все каникулы. Я поворачивал сегменты и старался уяснить закономерность, понять, что именно происходит с разноцветными квадратами. Свои наблюдения я записывал. Работал упорядоченно. Одну сторону собрать у меня получалось, и все углы – тоже, но все остальное не складывалось.

Когда мы наконец приступили к ужину, солнце уже готово было вот-вот занырнуть в залив. Никогда еще псевдомексиканские полуфабрикаты с порезанной сосиской не казались мне такими вкусными. Измотанные, зато сытые мы смотрели на море. Во всем национальном парке Мэррапанна мы были одни.

– А ты ни в кого не влюблен? – спросил Фруде Бригта.

– Это вряд ли. – Бригт хитро улыбнулся и посмотрел на меня. – По крайней мере, до него мне далеко.

Они засмеялись. Да и поделом мне.

– Зато я ее сфотографировал, и на фотке она как принцесса. А вас просто обрежу.

Я вытащил фотоаппарат и, положив его на камень чуть поодаль, навел видоискатель на Фруде с Бригтом. Настроив автоспуск, я осторожно нажал на затвор. Фотоаппарат загудел.

– Улыбочку. – Я еще раз заглянул в видоискатель, бегом вернулся обратно и, усевшись между приятелями, улыбнулся невидимому фотографу.

Щелк, сказал фотоаппарат, когда мы, казалось, просидели там уже целую вечность. Я подошел к камню и поднял фотоаппарат. По дороге домой я все равно собирался сдать пленку в проявку и печать, так что надо было отснять ее всю целиком.

– Слушай, Фруде, – начал я, – а ты чего, влюбился?

Фруде промолчал.

– Ну давай, колись!

– Слегка, – признался Фруде. Ему явно было не по себе.

– Слегка? – переспросил я, – это еще как?

Фруде пожал плечами.

– А в кого? – подхватил Бригт.

– В Сёльви, – сказал Фруде. Он даже за ухо себя дернул – иначе ответ не получался.

Хрупкая и темноволосая Сёльви делала причёску как у леди Ди, а глаза у нее были большими и круглыми.

– Круто! – восхитился я. – Когда-нибудь ты будешь встречаться с Сёльви, а я с Юлией, и можно ходить на двойные свидания. А там, глядишь, и Бригт с Гюнн подтянутся. Вообще клево будет!

Бригт покачал головой:

– Нет, этого ты точно не дождешься.

– И у меня шансов нету, – печально проговорил Фруде.

– Ты-то откуда знаешь? – не поверил я.

– Знаю.

– Терпение. Главное – терпение, – успокоил его я, подозревая, однако, что он прав, и от этого я погрузился.

Теперь мы сидели молча. Я вертел кубик. Солнце сползло за горизонт. Сзади слышались голоса, и мы повернулись. По валунам шагали две девушки лет двадцати. Обе держали в руках по полотенцу.

– Привет, – поздоровалась высокая, увидев нас, – здесь можно купаться? – Она говорила по-датски.

– Ага, – сказал Бригт, – если палатку не будете ставить, тут все можно.

– Как же здесь чудесно!

Они отошли к большому, выдающемуся в море валуну, бросили полотенца и стянули платья. Высокая растянула бюстгальтер, и тот упал к ее ногам. На нас они вообще не обращали внимания. Девушки разделись догола. Высокая обхватила себя руками и задрожала. Потом повернула голову и посмотрела на нас.

– Пошли! – позвала ее вторая и направилась к воде.

Но удобного для спуска места поблизости от них не нашлось.

– Вот с того камня хорошо прыгать! – крикнул Бригт и показал на обнаруженный нами валун. Он крикнул это так, будто ничего особенного не происходило. А вот у меня во рту пересохло, и я вообще ни слова не мог из себя выдавить. Они подошли к камню, спрыгнули в воду и поплыли.

– Ох-хренеть, – вырвалось у Фруде.

Больше мы ничего не сказали.

Сперва мне показалось, что девушки собираются доплыть до шхер, но потом они вдруг развернулись и поплыли обратно. Плыли они быстро, почти наперегонки, а последние метры словно за жизнь боролись. Высокая доплыла первой. Запыхавшись, она ухватилась за валун.

Смеясь, они вылезли из воды, а после вытерлись полотенцами и стали болтать. Как ни в чем не бывало. Солнце за ними уже зашло, и небо покраснело. Зрелище это было бесконечно прекрасным. Затем девушки оделись и подошли к нам.

– Холодная вода? – спросил Бригт.

– Чудесная!

Девушки завернули за валуны позади нас и скрылись из вида. Перед нами вновь лежало море, ровное и спокойное.

– Не зря мы столько на великах тряслись, – сказал Фруде.

Мы сидели и смотрели на залив. По-моему, разговаривать никому из нас не хотелось. Похолодало, и мы залезли в спальные мешки. Бригт пододвинул примус, и немного погодя мы услышали умиротворяющие гудение газа.

– Как тебе тот альбом U2? – спросил Бригт, потянувшись за кофейником, уже полным воды.

Мы собирались у Фруде дома и на новом магнитофоне переписывали и этот альбом, и The River, и The Wall. На это нам понадобилось три вечера, потому что каждому хотелось иметь все три альбома на кассетах, а значит, нам и проиграть каждый альбом пришлось по три раза. Громкость Фруде настраивал вручную, поэтому результат превзошел все ожидания. Мы даже названия песен переписали на обложки.

– Охрененно крутой альбом! – ответил я. – Там, может, некоторые песни чуть похуже, но музыка очень искренняя и настоящая, а мне такая нравится.

Бригт понимающе кивнул.

– Исполнение очень похоже на «Битлз». Тут тоже гитара, бас и ударные.

– Если у них и следующий альбом такой же хороший будет, я и его куплю.

– А кстати, вы знаете, что «Пинк Флойд» будут кино снимать по мотивам The Wall? – спросил Бригт.

– Кино? – удивился я.

– Концептуальный фильм. Но у нас-то его вряд ли покажут.

– На прошлой неделе The River занял третье место в чартах «ВГ», – сказал Фруде, – я думаю, что он и на первое скоро выйдет.

– Ну, тогда ты вообще прогрессивный, – откликнулся Бригт.

Фруде просиял от такой похвалы, а я почувствовал укол зависти.

Я не выпускал кубик из рук. Теперь уже почти совсем стемнело, но цвета я различал. Время от времени мои попытки заканчивались тем, что я портил уже собранные стороны, но сейчас удалось сохранить и синюю, и белую стороны. Я повернул кубик еще раз. И выпрыгнул из спальника.

– Чего, муравей в спальник заполз, что ли? – спросил Бригт.

– Поучилось! – Приплясывая вокруг примуса, я тряс рукой с зажатым в ней кубиком. – Я сложил кубик Рубика! – Я бросил кубик Бригту и припустил к морю, а там крикнул в сторону залива, – Юлия, я гений!

Мы почти заснули, когда Фруде, глядя в небо, вдруг заговорил:

– Думаете, они в обнимку спят?

– Кто? – не понял я.

– Леди Ди. Думаете, она в сне обнимает Чарльза?

– Спи давай! – скомандовал Бригт.

* * *

Директор вытер пот со лба и продолжил:

– Наверное, сидящим тут ученикам мои слова покажутся странными, а сидящие тут родители сочтут их еще более странными, но именно наши сегодняшние выпускники будут строить будущее Норвегии. Что бы вы ни думали, сейчас я вижу перед собой будущих лидеров.

Я посмотрел на Бригта. Если среди нас и были будущие лидеры, то подходил на эту роль только он, но сейчас этот лидер, похоже, вообще не слушал директора.

Я уставился на пол и разметку, сделанную тут для всяких спортивных игр, о которых я и понятия не имел. Прямо подо мной была нарисована красная линия. Под стулом Юлии она делала поворот и упиралась в другую линию, синюю, а та исчезала под стульями Сёльви и Гюнн.

Что все эти линии означают, я не знал. Думаю, у нас в Хаугеосене этого не знал никто, даже учитель физкультуры. Мы все равно ни во что, кроме вышибал и флорбола, не играли. А эти разноцветные линии складывались в какой-то бессмысленный рисунок. Почти как квадратики в кубике Рубика.

* * *

В тот день, когда я собирался продемонстрировать Юлии мою гениальность, мама вновь слегла. Произошло это, потому что Харальд купил мопед, «Темпо-Корвет-68», из-за которого я безгранично завидовал брату. Мама очень переживала, говорила, что это невероятно опасно, и в конце концов слегла. Папа все выходные подкручивал что-то в «лорелей».

Когда мы собрались уходить, папа вышел из-под навеса, вытирая тряпкой вымазанные машинным маслом руки.

– Ничего, она свыкнется. Поезжайте.

– Это уж совсем ни в какие ворота, – сердито сказал Харальд. Он поднял мопед и вывел его на улицу. – Целая трагедия из-за какого-то мопеда.

Он нажал на стартер, но двигатель и не думал заводиться.

Харальд всегда злился, когда мама плохо себя чувствовала. Если такое случалось, он целыми днями пропадал у приятелей и дома почти не появлялся. Когда я защищал маму, он говорил, что ей надо просто взять себя в руки. Сложность заключалась в том, что чем больше он отдалялся, тем сильнее на меня давила ответственность.

Харальд давил на стартер, мопед трясся, но не заводился.

– Надо проверить, может, зажигание не работает. – Папа вытащил свечу зажигания, а Харальд снова надавил на стартер. Зажигание работало отлично. Папа вернул свечу на место.

– Разгону его. – И Харальд побежал под горку рядом с мопедом. Где-то на полпути вниз он запрыгнул на седло. Двигатель тихо и грустно загудел, но вскоре звук изменился, и спустя секунду мопед ожил. Внизу Харальд развернулся и поднялся обратно к нам. Я протянул ему шлем.

– Сегодня вечером карбюратор почистим, – сказал папа, а Харальд опустил забрало.

Потом мы стояли и смотрели ему вслед. Харальд поступил в школу во Фредрикстаде, на курс общих предметов. Мне оставалось лишь мечтать о той свободе, к которой мчал его сейчас мопед.

– Тебе будет грустно ездить в школу без Харальда? – спросил папа.

– Немножко, – признался я.

– У тебя же Фруде остался.

– Ну да. Ой, я уже опаздываю.

Папа молча смотрел, как я вывожу из гаража велосипед.

– Не переживай из-за мамы, – сказал он.

– Думаешь, она долго проболит?

– Да нет же, скоро опять повеселеет. Не думай об этом. Зато, когда ты решишь завести себе мопед, тебе будет проще: основной удар Харальд на себя уже принял.

Я выехал на улицу, а папа по-прежнему тер руки тряпкой.

Мне было беспокойно. Я радовался, что увижу Юлию, но одновременно расстраивался, потому что каникулы кончились и надо возвращаться в школу. Сейчас еще и мама слегла. Мы с Фруде ехали по направлению к Хауге, и я радовался, что у меня есть Фруде.

– Ты рад, что снова Сёльви увидишь? – спросил я.

– Да я больше не влюблен.

– Как это?

– А все прошло.

– И ничего больше не чувствуешь?

– Наверное, оно и к лучшему. У меня все равно шансов не было. Может, еще в кого-нибудь влюблюсь.

– Да наверняка. Девчонок полно.

В том, что Фруде и правда был по-настоящему влюблен, я сомневался. Если бы его чувства были хоть чуть-чуть похожи на те, что я испытывал к Юлии, они так просто не прошли бы. Возможно, ему тогда просто захотелось что-то сказать. Больше я выспрашивать не стал, а чтобы поддержать разговор, сменил тему:

– Ты знаешь, что теперь делают пластинки, которые не поцарапаешь?

– Пластинки, которые не поцарапаешь? С музыкой?

– Ага, но по размеру они меньше. И считаются лазером. Харальд сказал, что их можно хоть в варенье окунуть, и ничего им не сделается.

– А зачем их в варенье-то окунать?

– Все, забудь. Главное, что испортить их практически невозможно, а играть они могут несколько часов подряд. На один диск все альбомы битлов уместятся. Прикинь?

– И какая тогда обложка будет?

– Да какая разница? Что-нибудь придумают.

– Мне как-то не верится. Про варенье – это хрень какая-то.

Мы подъехали к школе и поставили велосипеды возле стойки. Похоже, Фруде я не убедил.

В вестибюле мы наткнулись на Рунара – тот щекотал какую-то девчонку, а та вздохнула и смеялась.

Рунар учился в параллельном классе. Он был из верующих, но в то же время очень популярным. Как ему удавалось это совмещать, я так и не понял, и, если бы они с Юлией не пели в каком-то религиозном хоре, я бы вообще его не замечал. По какой-то неведомой мне причине девочки не возражали, когда Рунар их лапал. Уму непостижимо – нам, всем остальным, достаточно было лишь приблизиться к девчонкам, как те начинали беситься.

– Привет, парни, – сказал Рунар, – готовы к старту?

Девчонка вывернулась у него из рук и скрылась под лестницей. Рунар рассмеялся.

– Ждем не дождемся, – я сделал вид, будто шучу.

Мы направились к лестнице.

– Как вам вчерашний матч? – спросил Рунар.

– Крутяк! – ответил Фруде. – Мы их вчистую сделали!

Вообще сезон для фредрикстадской команды выдался неудачный, но накануне они разбили Хаугар на чужом поле. Шесть – ноль.

Рунар кивнул.

– Значит, мы тоже на что-то способны, да?

Он свернул направо, а мы зашагали прямо, мимо открытой двери в учительскую, где висели потные клубы сигаретного дыма.

Когда мы подошли к классу, рядом стояла Юлия, а с ней – двое других девочек из Хауге. Вот и она, Юлия. Как картинка, шоколадно-загорелая, в белой кружевной блузке с короткими рукавами и выцветших джинсах. На клапане рюкзака было написано: «Все уроды», а рядом на ремешке висела большая розовая соска. Какая же Юлия была красивая! В животе у меня снова разлилась теплая тяжесть.

– Привет! – поздоровался я.

Юлия подняла голову и улыбнулась:

– Привет! Как вы в тот раз – доехали до Мэррапанны?

– Ага, – сказал я, – долго мы тогда проездили.

Она засмеялась.

– А фотография хорошая получилась?

На той фотографии Юлия вышла так, что лучше не бывает, а улыбалась она так чудесно, что даже двое уродцев, пристроившихся с обеих сторон, не испортили снимок.

– Отличная! – ответил я. – Я могу тебе сделать фотку.

– Спасибо.

Я напечатал несколько снимков – один носил с собой в бумажнике, а еще один осмелился повесить на пробковую доску у меня в комнате. Мама спросила, кто эта девочка на снимке, и я почти сказал ей правду: что это наша одноклассница, которую мы случайно встретили, когда ездили в поход.

Меня поразило, насколько Юлия повзрослела. Нет, внешне она не изменилась, но выглядела увереннее. Старше. Я не сомневался, что обо мне она думает то же самое, и подумал, что это отдаляет нас друг от дружки.

Мы прождали десять минут, а потом пришел инспектор и сказал, что Сосиска заболел.

– У вас есть какое-нибудь домашнее задание?

– Мы можем задачки по математике порешать, – нашелся Кеннет.

– Отлично, тогда проконтролируешь, чтобы никто без дела не сидел, – сказал инспектор и вышел из класса. Учебники мы еще не получили, но говорить об этом ему не стали.

Кто-то уселся играть в карты, а остальные просто болтали. Мы с Фруде и Бригтом расположились на задних партах, рядом с Юлией, Сёльви и Гюнн. Сперва разговор не клеился, но потом Сёльви рассказала, как она ездила летом на юг, и мы разговорились. Я вытащил из рюкзака кубик Рубика. Последние недели я оттачивал технику. Мой рекорд составлял три минуты и пятьдесят три секунды, но для этого надо было собирать так быстро, что в глазах мелькало. Сегодня же я никуда не торопился. Достаточно просто собрать его – и я гений.

Я медленно вертел кубик, время от времени показывая его собравшимся, чтобы те следили за развитием событий.

Вскоре все углы были собраны. Прозвонил звонок, и в класс вошел святоша Рунар, но я не обратил на него внимания: сегодня ему было нечем крыть. Разговор мало-помалу затих, и все вокруг молча смотрели на кубик. И Юлия тоже. Теперь не хватало лишь трех квадратики. Одним движением я поставил их на место.

– А где ты инструкцию взял? – спросил стоявший за моей спиной Рунар.

Я замер и посмотрел на него.

– Инструкцию?

– Ну да. Где инструкцию-то взял? В Швеции?

– В Швеции? – растерянно переспросил я. Я ждал этого момента с той самой экскурсии в Осло, а этот придурок рассказывает о каких-то шведских инструкциях. Это ему что, игрушечный домик сколотить?

– Ты ж не сам его собрал. – Рунар рассмеялся. Как раз в этот момент все квадратики встали по местам. Я поднял кубик вверх.

Все засмеялись. И Юлия тоже.

– Мой рекорд – пять с половиной минут, – сказал Рунар.

– Пять с половиной минут? – восхищенно повторила Юлия. – Это неплохо. А у тебя какой рекорд, Андерс? – Она не сводила с меня своих ясных глаз. Моргни она – и я упал бы замертво.

– Я не засекал.

* * *

– Наверное, некоторым из вас учеба уже надоела, – проговорил директор, – но поверьте мне: в тот день, когда вы перестанете учиться, можете смело ложиться и умирать, – эти слова

прозвучали неожиданно резко, в том числе и для самого директора, потому что тот вдруг сосредоточенно уставился в разложенные перед ним листки бумаги. Видно, это в них написано не было. Не исключено, что он сказал это искренне. Но директор быстро нашелся:

– Поэтому учитесь, узнавайте и постарайтесь сберечь любопытство, свойственное молодости.

Фруде вздрогнул. Что-то угодило ему в голову. Крышечка от бутылки кока-колы, в которую была засунута записка. «Извиняемся». Мы обернулись. Кеннет и другие красно-белые толстовки довольно лыбились. После того случая с велосипедом эти козлы ему прохода не давали.

* * *

Девочки из Хауге жили совсем недалеко от школы, но этой осенью мы начали провожать их до дома, после чего садились на велосипеды и ехали дальше. А в тот вторник Фруде спешил и уехал раньше.

– Мне на музыку надо, у меня занятие. Увидимся. – И он укатил, а мы с Бригтом пошли провожать девочек.

– Смотрели вчера новости про подводную лодку? – спросил я, чтобы хоть о чем-то поговорить.

Накануне вечером по телевизору только и было разговоров, что о советской подводной лодке, которая села на мель в шведских шхерах. Русский капитан выглянул из люка и растерянно вертел головой, а не менее растерянные шведы придумывали, как им поступить. Шведы даже угрожали развязать третью мировую войну, если советское спасательное судно, подошедшее подозрительно близко к шхерам, быстро не уберется оттуда.

– «Нам под водой границу не видно», – передразнила Юлия, и мы рассмеялись, хотя за день уже сто раз слышали этот анекдот.

Спереди послышались какие-то крики. На холме «звездные» преградили Фруде дорогу и не давали проехать. Мы подошли поближе.

– И куда ж это ты так торопишься? – с издевкой спросил Кеннет.

– На музыку, – пробормотал Фруде.

– Ах, н-на м-м-м-м-музык-к-к-ку?

«Звездные» заржали.

– Эй, отвалите от него! – крикнул я. – Он же вас не трогал!

– А это кто к нам пожаловал? Да это ж битломан, священник и добропорядочные христианки! Вот так встреча! Какая честь! – Он раскланялся перед нами, прямо как дирижер перед зрителями, а «звездные» заржали. Потом Кеннет мотнул головой в нашу сторону, и трое мордоворотов направились к нам. Нам пришлось отступить – выбора не оставалось.

– У тебя что, велик новый? – с деланой заботой спросил Кеннет.

Новый велосипед появился у Фруде неделю назад. Это был голубой DBS с переключателем скоростей, подставками для обуви и оранжевым рефлектором. Фруде купил его на осенней распродаже в спортивном магазине во Фредрикстаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.